

Задонский Пятюжник

№ 44 2005 г. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВ-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

ДАР СЛОВА

Проповедь епископа
Липецкого и Елецкого
Никона

О СЛАЖЕННОЙ СЕМЬЕ

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ
ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О бедствии христианина,
беззаконно живущего...»

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Из воспоминаний
о схииеримандрите
Виталии

ХРИСТИАНАМ

О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским
пустынником
«Быль военных лет»

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Заповеди блаженства

ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

ВОЗРОЖДАЕТСЯ

«Святитель Тихон
в беде не оставил»

ЖИЗНЬ, ИСПОЛНЕННАЯ

СТРАДАНИЙ

Двадцать лет со дня
упокоения аладыки Зиновия

СХИИГУМЕН МИТРОФАН

Из воспоминаний
духовных чад

ЧТОБЫ РЕБЕНОК

НЕ БЫЛ ТРУДНЫМ

О ТЕЛЕВИЗОРЕ

БЕЗЫМЯННАЯ

ПОДВИЖНИЦА

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Если положишь доброе начало...
то и старость свою проведешь так же благоугодно,
и будешь подовен светлау,
озаряющему многих на пути Господнем.

...Если с юности будешь ходить стезею правды,
и нешествие твое будет в мире.

Преподостий Бфрем Сирни

Дар слова

сть такая старая поговорка: «Слово — серебро, молчание — золото».

У каждого из нас есть дар слова — это великий дар, данный Богом человеку. Словом мы выражаем свои желания, комментируем свои действия. Есть люди, которые словом воскрешают — это те, которые живут, исполняя Закон Божий, читают молитвы и ими исцеляют, словом приводят людей в храм, укрепляют их веру, готовят их к встрече с Богом... Но словом человек может и убить...

Вы помните, Бог наказал людей, которые употребили дар слова во зло — сговорились построить Вавилонскую башню, чтобы увековечить имя человеческое — Он отнял у них единое слово, и они заговорили на разных языках. Святые отцы говорят: «Если Бог хочет наказать человека, то Он отнимает у него разум», — человек не может здраво рассуждать, разумно выражать свои мысли. Вот и у нас, вероятно, Господь отнял слово: мы сейчас только слушаем, воспринимаем и впитываем информацию через радио, телевидение и другую разную аппаратуру, которая все говорит за нас — мы только слушаем.

Но посмотрим, что же это за информация. Вы прекрасно знаете, что из крана не может одновременно течь и сладкая, и горькая вода — так же невозможно, чтобы из этого аппарата, называемого телевизором, истекло злое и доброе. Да если и говорится там что-то доброе, мы охотнее воспринимаем злое. Если, допустим, архiereи или священники поучают нас через телевидение, мы не запомним их речи — скажем: «Очень хорошо

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

*Христо-Рождественский собор,
г. Липецк,
20 февраля 2003 г.*

говорила. Прекрасно говорила. Все так доступно и доходчиво...». А спросить через день-два, о чем именно говорил с экрана, напри-

мер, владыка Смоленский Кирилл, никто не скажет — вспомнит дватри слова и все. Но когда нам представят другую информацию, рассказав о чем-то плохом, высмевав или передразнив кого-то с сарказмом — мы это мгновенно запомним, даже сможем пересказать другим, заинтересовать, чтобы они так же это посмотрели! А вот нужное, полезное нам, мы пересказать не можем — мы потеряли дар слова. Господь сказал: «Поцублю премудрость премудрых и разум разумных отвержу» (1 Кор. 1, 19 и Ис. 29, 14). Бывает, человек думает, что он ардуированный, пред-

восхищает всех своим разумом, интеллектом и говорит, говорит, говорит... А в действительности, на него смотрят, как на помешанного — Господь отнял премудрость от премудрых и разум от разумных. И те, кто сейчас занимаются наукой, преподаванием, воспитанием, должны помнить: более всего должно уделять внимание Евангелию — благой вести о спасении.

Но если даже мы начинаем изучать науку из наук — богословие, которое приводит ко спасению наши души, тотчас же интерес к ней пропадает: мы засыпаем, у нас появляется множество неотложных дел, стараемся отложить все «на потом»... Только какой-то стимул — например, нам надо говорить доклад — может подвигнуть нас на продолжение этого дела.

Мы перестали жить духовной жизнью. Можем написать стихотворение или прозу о чем-то материальном, видимом, а о духовном — ничего не можем — у нас не найдется слов, чтобы выразить любовь к Богу. Вот воспитать плотскую любовь — это мы можем. Мы сейчас получаем и впитываем в себя слово откуда угодно, только не из Евангелия, а это, по попущению Божию, ведет к тому, что у нас отнимается разум, посягается наша премудрость. Мы считаем себя умными, учеными, мы — цивилизованные люди, живущие в век техники, кибернетики и электроники, Интернета и виртуальности, в век великих достижений... А нужно ли это нам, спасающимся? Нет. Для чего изобретать и затем столько денег расходовать на ракеты? Чтобы следить за каждым из нас. Вся техника сейчас создается для того,

чтобы управлять человеком, поработить его, думать за человека... — для того, чтобы человек забыл Бога, забыла Небо, забыла свою душу и Евангельские законы! Мы видим: все к этому и идет, и жизнь становится не такой, как в былые времена.

Раньше часто можно было услышать, как незнакомые люди жалели друг друга, за незначительную, казалось бы, услугу говорили слова благодарности, а сейчас, если кто-то и скажет подобное, такого посчитают сумасшедшим: «У этого человека, наверное, плохо с головой...» Мы отивая приносим людям добро, благодарим, потому что мы не благодарим Бога. Если бы мы благодарили Бога за все благодетели, которые Он дал и дает нам по сей день, мы не задумываясь благодарили бы и любого человека, зная, что он — создание Божие. Как мы можем не благодарить его, если он такой же, как и я, мы — единая семья, и созданы Богом, чтоб славить Его? А если мы не замечаем человека, значит, такое же отношение проявляем и к Богу. И, безусловно, Господь, когда мы будем молиться, благодарить Его, в первую очередь, спросит: «А почему же ты ближнего своего не заметил, не поблагодарил?»

Дорогие, сегодняшняя жизнь очень интересна. Наши дети, внуки сейчас в восторге от новейших технологий — они сидят за компьютерами день и ночь. Поверждаются рассудком, но как им интересно, увлекательно! Это равносильно наркотикую: припад — и хочется еще, еще и еще. Точно так же, когда человек сидит возле компьютера: ему все хочется играть, получать разную информацию, а затем и самому отправлять, а потом «засылать» какие-то вирусы, чтобы испортить данные, заложенные в «чьем-то компьютере... Интересная жизнь!».

Но она не спасительна. Господь, пришедши на землю, дал

заповедь: «Да любите друг друга». А выполняем ли мы ее? Вот пришел в храм — здесь мы объединяемся через таинство Евхаристии, через Причастие в единую семью. Но если мы спросит: «А ты любишь своего обидчика?» Мы ответим: «Да как же я его полюблю, если он меня обидел?» А как же нас Господь любит, когда мы Его постоянно обижаем своими неповиновениями, своей непокорностью, управлением и неисполнением евангельского закона? Но Он все равно нас любит, терпит и ждет нашего исправления! И только когда не найдется ни одного человека, который мог бы исправиться, оставить порочную жизнь, тогда небо советует, как свиток, на земле все сгорит огнем, мертвые выйдут из гробов, а живые перевоплотятся в другую плоть (см. 1 Кор. 15, 51-53)

— и будет иная земля и иное небо. Вероятно, тогда Господь создаст уже другой мир — безмерный, чистый: тот мир, в котором все, как Ангелы, постоянно будут славить Бога: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф!»; тот мир, где каждый будет своей жизнью, своими устами и словом, которым нас наделил Творец, славить Господа, а не изрыгать скверну и хулу на людей и Бога. Не зря же святой Амвросий Медиоланский говорил: «Я видел молчаньем многих спасшихся, а многоглаголанием — никого».

В сегодняшний воскресный день вспоминается всякой Церковью притча о мытаре и фарисее. Каждый из них в храме словом выразил свое отношение к Богу. Фарисей сказал: «Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несть, якоже прочии человецы — хищницы, неправедницы, предлюбезе или якоже сей мы-

тарь. Поцуся двакраты в субботу, десятину даю всего, сляко притязку» (Лк. 18, 11-12), — в Ветхом Завете на нужды храма каждый вносил десятую часть имущества (это пошло еще от Авраама, который отдал десятую

Христо-Рождественский собор, г. Ленинград

часть Мелхиседеку — царю и священнику). Вдумаемся, что он сказал Богу? Слова превосходения над другим человеком — мытаре, который, действительно, был вором, который обидел очень многих вдов и сирот поборами. Мытарь собирал подати — налоги. Все старались от него убежать, все прятались, а он требовал. Если было нечем заплатить — забирал имущество, уносил со двора скот. Сколько слез людей пролило по его вине! Вероятно, он брал с них больше, чем положено, чтобы что-то выгадать и себе... И вот, такой человек тоже стоял пред Богом в храме. Он не мог даже головы поднять и лишь повторил: «Боже, милостив буди ко мне, грешнику!» Господи, прости меня! Я многих оскорбил, унижал, сколько слез чужих пролил...» — он словом выразил Богу свое покаяние.

И мы в храме словом тоже выражаем свое отношение к Богу. Мы вздыхаем и мысленно говорим: «Господи, действительно, я убила в утробе! Посоветовала это и дочери! Обидела зятя, мужа... Господи, прости меня!» — мы мысленно тоже просим прощения и помилования у Господа. Но прядя домой, мы начинаем сквернословить, ругать своих близких, обвинять их и т.п. То есть в храме говорим одно, а дома — совсем другое. Фарисей был лучше нас: он не изрутался, никого не

унижал, не оскорбил — он словом выразил свое мнение: «Я не такой, как остальные или как вы тот стоите!» — и Господь за это осудил его.

Будем же и мы, дорогие, помнить, что мы приходим в храм, чтобы словом выразить свое отношение к Богу. И наше слово должно сочетаться с нашими делами: «*Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо не любяй брата своего, еже виде, Бога, еже не виде, како может лю-*

бити» (1 Ин. 4, 20). Господь посылает в мир разные бедствия, чтобы разбудить нас, чтобы мы хотя иногда все же заглянули в Евангелие, в творения святых отцов и прочитали, к чему они призывают нас — они хотят нашего спасения. Пусть же источник наш постоянно будет сладким, а не горьким. И вода, истекающая из него, пусть для каждого: и для Господа, и для небожителей, святых, и для земных жителей — будет словом утешения, радости и восхищения.

Святолик Пансий Светогорц (1924—1994)

В разнице характеров кроется божественное согласие

Супруги должны, насколько это возможно, возделывать добродетель любви, чтобы двое всегда были слиты водно и чтобы вместе с ними пребывал Третий — наш Сладчайший Христос.

Однажды ко мне в калитку пришел человек и стал жаловаться, что он очень расстроен из-за постоянных разногласий с женой. Однако я понял, что между ним и его супругой не было чего-либо действительно серьезного. У этого человека есть свои «сучки» и «пшени», у его жены — свои, поэтому они не могут приладиться друг к другу. [И того, и другого] надо невозможно «построгать». Возьми две иструтенные доски: у одной сучок в

О слагенной семье

одном месте, у другой — в другом. И если ты хочешь соединить их как есть, иструганными, то между ними останется щель. Однако если ты чуть построгаешь первую доску в одном месте, вторую — в другом, они тут же прилягут одна к другой. Только строгать надо одним и тем же рубанком!

«Я не нахожу общего языка со своей женой!» — жалуются мне некоторые мужья. — Мы совершенно разные по характеру! Она человек совершенно другого склада. Как же Бог допускает такие несуразницы? Неужели Он не мог устроить все таким образом, чтобы у супругов были одинаковые характеры, так, чтобы они могли жить духовно? — «Неужели вы не понимаете, — отвечаю им я, — что в разнице характеров кроется Божественная гармония? Разные характеры слагаются в гармонию. Представь, если бы и у тебя, и у твоей жены были одинаковые характеры! Да Боже упаси! Представь, что бы было, если бы, к примеру, и ты, и твоя жена легко приходили в него-

дование. Вы бы не оставили от вашего дома камня на камне! А если бы у обоих супругов были одинаково мягкие, кроткие характеры? Да вы бы спали на ходу! Если бы ни у тебя, ни у твоей жены нельзя было зимой выпросить снега — то вы бы, конечно, подходили друг к другу, но и пошли бы оба в адскую муку. А если бы оба были расточительными? Разве вы смогли бы вести домашнее хозяйство? Вы пустили бы ваше состояние на ветер, а дети остались бы под открытым небом.

Если тяжелый, своенравный человек найдет и жену себе под стать — такую, что хоть кол ей на голову теши, а она будет делать по своему — то они, конечно, друг другу подойдут. Разве не так? Однако через две совместной жизни они вцепятся друг другу в волосы! Поэтому смотри, как все устраивает Бог: Он делает так, чтобы хороший, добрый человек вступил в брак со строптивым, и тогда второй из супругов сможет получить помощь, потому что изначально он мог быть расположен по доброму, но в молодом возрасте мог увлечься злым.

Небольшая разница в характерах супругов помогает создать гармоничную семью, потому что один из супругов дополняет другого. В автомобиле необходимы обе педа-

¹ Старец имеет в виду работу духовника с супругами. Эта работа оказывается результативной в том случае, когда муж и жена имеют одного духовника, то есть их «сучки» и «пшени» обстругиваются одним «рубанком».

ли: и газ, для того чтобы ехать, и тормоз, чтобы вовремя остановиться. Если бы у машины был один тормоз, она не двигалась бы с места, а если бы у нее имелась только акселератор, то она не могла бы остановиться. «Вы – оба на одну ногу, – сказал я одной супружеской чете, – и поэтому друг другу не подходите! Оба этих человека были очень впечатлительными. Если у них дома что-то случалось, то оба бросали поводья и начинали причитать: «Ох, какая же с нами случилась напасть!» – причитает муж. «Ох, что ж это за горько-горькое!» – всхлипывает жена. То есть один супруг «помогает» другому впуск в еще большее отчаяние! Муж не может подбодрить жену и сказать ей: «Гостой-ка, да ведь то, что с нами произошло, не так уж и серьезно». Я видел такое во многих семьях.

Имея разные характеры, супруги могут большего достичь и в воспитании детей. Один из супругов станет их немножко притормаживать, а другой будет говорить: «Ну дай ты детям немножко свободы». Если и муж, и жена закрутат все гайки своим детям, то потеряют их. Но они потеряют детей и в том случае, если оба будут позволять им делать что вздумается. Если же мать и отец обладают разными характерами, то дети их пребывают в равновесии.

Я хочу сказать, что [в семье] необходимо все. Конечно, супруги не должны перегибать палку в отношении особенностей своего характера, но каждый из них, в соответствии со складом своего характера, должен помогать другому. Если съест, к примеру, что-нибудь очень сладкое, то захочется чего-нибудь солененького. К примеру, когда наешься винограда, хочется заест его кусочком сыра, чтобы перебить сладость. Или огородная зелень: если она слишком горькая, ее невозможно есть. Но если овощи будут чуть с горчинкой или с кислинкой, то они и вкусны, и полезны. Но вот если человек кислого склада станет говорить, что всем остальным надо стать такими же кислыми, а тот, у кого горький норов, будет призывать всех становиться горькими, третий – соленый будет настаивать на том, чтобы все стали солеными, то к взаимопониманию они не придут.

Уважение между супругами

Бог премудро распорядился всем. Мужчину он наделил одними дарованиями, женщину – другими. Он дал мужчине мужество для того, чтобы тот находил выход из трудных ситуаций и для того, чтобы женщина повиновалась ему. Ведь если бы Бог дал такое же мужество женщине, то семья не могла бы устоять.

В Эпире³ рассказывали историю об одной женщине, которая была грозой всей округи! Она одевалась в длинную белую рубаху и за поясом всегда носила ятаган⁴. Разбойники брали ее с собой на дело! Представьте – женщина в разбойничьей шапке! Однажды она пришла в глухую деревушку, лежащую в нескольких часах пешего пути от ее села, чтобы взять одного валашского паренька и женить его на своей дочери. Поскольку парень начал ерничать, она скрутила его, завалила себе на плечи и притащила в свое село! Однако такие случаи – исключения из правил. Попробуй, призови женщин в армию и составь из них женскую роту. А потом возьми десанток подростков в форме скаутов и попроси их издалека показаться вонгелинцам. Тут же вся рота задрожит стрелача! Подумают, что враг идет в наступление!

Муж, говорит Священное Писание, «глава есть жена» (Еф. 5, 23). То есть Бог определил, чтобы муж властвовал над женой. Властвование жены над мужем есть оскорбление Бога. Сначала Бог сотворил Адама, который сказал о жене: «Се ныне кость от костей моих и плоть от плоти моей» (Быт. 2, 23). Жена, говорит Евангелие, должна бояться мужа – то есть она должна его чтить. А муж должен любить жену (см. Еф. 5, 33). В любви присутствует уважение. В уважении присутствует любовь. То, что я люблю, я одновременно и чтю. То, что я чтю, я люблю. То есть любовь и почтение – это не разные вещи: это одно и то же.

Однако люди уклоняются от этой гармонии Божией и не понимают смысла евангельских слов. Так муж, превратно истолковывая

Евангелие, говорит жене: «Ты должна меня бояться!» Чужак-человек, да если бы она тебя боялась, она бы за тебя и замуж не пошла! А некоторые женщины говорят жене: «А почему это жена должна бояться мужа? Нет, такого я принять не могу. Что это еще за религия такая? Дискриминация!» Но посмотрите, что говорит Священное Писание: «Начало премудрости страх Господень» (Притч. 1, 7). Страх Божий есть почтение к Богу, благоговение, духовная скромность. Этот страх приводит тебя к благоговейному трепету, это что-то священное.

То равенство с мужчинами, к которому стремятся некоторые женщины, может быть оправдано лишь до какого-то предела. Сегодня женщины работают и участвуют в голосовании наравне с мужчинами. Поэтому они заравнились каким-то нездоровым духом и думают, что равны с мужчинами [во всем]. Конечно, души мужчин и женщин одинаковы. Но если муж не любит жену, а жена не чтит мужа, то в семье возникает разлад. В прежние времена считалось, откуда не годным делом, если жена перецеловала мужа. А сейчас повалился наглый, развратный дух. Как же прекрасно было в те времена! Я был знаком с одной супружеской парой. Муж был низеньким, невзрачным человечком, а жена – высоченная, богатерского роста! Она одна играючи сгружала с телеги центнер зерна! Как-то раз один рабочий – тоже дюжий парень – стал к ней приставать на она, схватив его, отшвырнула на несколько метров в сторону, как спичку! Но если бы вы видели, какое послушание эта женщина оказывала своему мужу, как она его чтит! Вот таким образом семья бывает крепкой, нерушимой. А иначе ей не устоять.

Любовь между супругами

– Ну что, матушка, написала поправление Димитрию, который женился?

– Написала, Геронда⁴.

– Дай-ка мне открыты, и я припущу от себя: Да будет с вами Христос и Пресвятая Богородица Димитрий, даю тебе благословение

³ Эпир – область в западной Греции. – Прим. перев.

⁴ Ятаган – большой прямой турецкий кинжал. – Прим. перев.

⁴ Геронда – уважительное обращение (отца, старец) – прим. ред.

ругаться с целым светом, кроме Марии! И Марии то же самое благословение: ругаться со всеми, но не с тобой! Вот поглядим, поймут ли они, что я имею в виду. Один человек спросил меня: «Герцога, что больше всего соединяет мужа с женой?» – «Признательность», – ответил я ему. Один человек любит другого за то, что тот ему дарит. Жена дает мужу доверие, преданность, послушание. Муж дает жене уверенность в том, что она находится под его покровом, защитой. Жена – хозяйка дома, но и главная служанка в нем. Муж – властитель дома, но и носильник его тяжестей.

Между собой супруги должны иметь очищенную любовь – для того чтобы подучать друг от друга взаимное утешение и быть в состоянии исполнять свои духовные обязанности. Чтобы прожить в согласии, они должны, прежде всего, положить в основании жизни любовь – ту драгоценную любовь, которая заключается в духовном братолюбии, в жертвенности, а не любовь ложную, мирскую, плотскую. Если присутствует любовь и жертвенность, то один человек всегда ставит себя на место другого, понимает его, испытывает за него боль. А принимая ближнего в свое страдающее сердце, человек принимает в свое сердце Христа, Который вновь povolняет его Своим невыразимым радованием.

Когда один из супругов любит другого, то, даже находясь вдали от него – если этого потребуют обстоятельства, – он все равно будет близко, потому что для любви Христовой не существует расстояний. Однако если, Боже упаси, между супругами нет любви, то они, даже находясь рядом, могут быть, по сути, друг от друга далеко. Поэтому каждый из супругов должен стараться всю свою жизнь сохранить любовь, к другому, принося себя в жертву ради него.

Плотская любовь соединяет мирских людей внешне, только до тех пор, пока они обладают [необходимыми для такой плотской любви] мирскими качествами. Когда эти мирские качества теряются, плотская любовь разъединяет людей и они скатываются в погибель. А вот когда между супругами есть настоящая драгоценная духовная любовь, то, если один из них потеряет свои мирские ка-

чества, это не только не разъединит их, но объединит еще крепче. Если есть только плотская любовь, то жена, зная, что, к примеру, спутник ее жизни поглядел на другую женщину, плещет ему в глаза серной кислотой и лишает его зрения. А если она любит его чистой любовью, она испытывает за него еще большую боль и тонко, аккуратно старается вновь вернуть его на правильный путь. Таким образом приходит Благодать Божия.

Однажды ко мне в калиту пришел один американец греческого происхождения, врач. Я увидел, что его лицо было светлым, и поэтому деликатно спросил о его жизни. «Отче, – сказал он мне, – я православный христианин, но до последнего времени и постов не соблюдал, и в церковь заглядывать нечасто. Когда однажды ночью, оставшись у себя в комнате на колени, я просил Бога помочь мне в одном важном вопросе, комната наполнилась каким-то сладким Светом. Это продолжалось достаточно долго: я не видел ничего, кроме Света, и чувствовал в себе какой-то неизреченный мир». Я был поражен, потому что понял, что этот человек удостоился увидеть Нетварный Свет. Поэтому я попросил его рассказать, что предшествовало этому событию. «Отче, – стал рассказывать он, – я человек женатый и имею троих детей. Начало нашей семейной жизни было хорошим. Однако потом моя жена, не имея терпения заниматься домом и детьми, стала просить у меня, чтобы мы ездили развлекаться вместе с ее подругами. Я пошел ей на уступки. Прошло время, и она заявила, что хочет развлекаться с подругами одна. Я смирился и с

этим, а сам стал заниматься детьми. После этого ей расхотелось ездить в отпуск со мной, и она стала просить у меня денег, чтобы ездить в отпуск одной. Затем попросила снять для нее отдельную квартиру. Я пошел и на это. Но она собирала в этой квартире своих любовников. Все это время я старался различными способами – советами, уговорами – помочь ей, чтобы она повела наших детей. Но она не принимала никаких уговоров. В конечном итоге, ваяя у меня значительную сумму денег, она исчезла. Я искал ее, расспрашивал о ней где только можно – но все было безуспешно, я потерял даже ее следы. И вот однажды мне сообщили, что она прискакала сюда, в Грецию, и стала торговать собой в одном из развратных притонов. Невозможно описать ту скорбь о моем падении, которая мной овладела. В скорби я опустился на колени и стал молиться: «Боже мой, – просял я, – помоги мне ее найти, и я сделаю все, что смогу, для того, чтобы она не погубила свою душу. Я не могу вынести того состояния, до которого она опустилась». И вот тогда меня омыл этот Свет и мое сердце преисполнилось миром». – «Братец! – сказал я ему. – Бог увидел твоё терпение, твоё незлобие, твою любовь и подал тебе это утешение».

Поэтому я и говорю, что миряне станут нас судить. Видите как? Врач где-то в Америке, имея такую жену, такие условия и такое окружение – и, однако, чего удостоился!

*Старец Паисий Святогорец,
«Слова», т. 4, «Семейная жизнь»,
Издательский Дом «Святая Гора»*

Святитель Тихон Задонский
Краткие правозительные слова

СЛОВО СЕДЬМОЕ

О бедствии христианина, беззаконно живущего после святого Крещения

Невозможно довольно описать и оплакать бедственное состояние того христианина, который после святого Крещения ядчас в беззаконные дела и беззаконно живет. Всего того блаженства лишается, которое при крещении Божией благодатью сподобился было, и самовольно повергает себя в то самое бедствие, от которого избавился было, но даже и в еще большее бедствие попадает. Ибо познал было истину, но в ней не захотел жить; познал Бога, но не захотел Его почитать; познал путь, ведущий к вечному блаженству, но по нему не захотел идти; обещал Богу служить, но в этом солгал Ему; омылся, освятился, оправдался, но всего этого лишился; стал чадом Божиим, но это преславное благородство потерял; сделался наследником вечной жизни и царствия, но наследие это погубил. Поэтому апостол говорит о таковых: *Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назад от преданной им святой заповеди* (2 Пет. 2, 21).

Видишь, христианин, какво бедствие беззаконно живущего христианина! Не видно его сейчас, так как оно не телесными очами, но душевными видится. Но тогда явится, когда и все тайные и явные дела наши всему миру явятся, то

есть во время второго пришествия Христова. Тогда бедный таковой христианин узнает и увидит свою великую беду и погибель.

Воистину много слез и плача надо, чтобы оплакать состояние такого христианина. Как вымывшийся в бане грязью и калом опять марается, так христианин, омывшийся банею Крещения, опять беззаконными скверняется. Всякий, кто после святого Крещения беззаконно живет, поступает как тот, кто, одевшись вместо скверного рубища в порфиру и виссон, опять снимает с себя это прекрасное одеяние и одевается в гнусное свое рубище. Ибо и таковой вместо греховного рубища оделся было и ризу оправдания Христова, но, отвергнув эту прекрасную одежду, опять облес в греховное рубище.

В таком бедственном состоянии находится:

1) Баудники, прелюбоден и все, каким-либо образом себя скверняющие.

2) Воры, похитители, грабители и все, как-нибудь неправедно чужое добро похищающие.

3) Люди злобные и каким-либо образом причиняющие вред своему ближнему и его жизни.

4) Лукавые, хитрецы, лицемеры, как-либо обманывающие своих ближних.

5) Хулители, сквернословы и клеветники.

6) Судьи, которые суд совершают в пользу подкупа и даров, а не по силе присяги и правды.

7) Господа, которые своих крестьян или мучают, или отягощают излишними оброками и работами.

8) Кушцы, которые плохую вещь за хорошую, и дешевую за дорогую, и гнилую за добрую продают, и просят за товар большую цену, чем он стоит.

9) Колдуны и те, кто к ним обращается.

10) Все против совести и безстрашно закон Божий нарушающие.

Со всеми таковыми случается по *перной посланице: пещ возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи* (2 Пет. 2, 22).

Волюбленные христиане, банею святого Крещения омытые! Посмотрим на себя, не возвратились ли кто из нас от Христа к диаволу, и не попал ли в вышеописанное бедственное состояние? Кто диавольские дела творит, тот к диаволу возвратился и ему служит, а от Христа уже отстал. Горе христианин, после святого Крещения беззаконно живущим! *Отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда* (Мф. 10, 15), нежели таким христианин. Бедный христианин! Осмотришь и остережись, чтобы не стать тебе вечным пленником диавола и погиблем, где червь их не умирает и огонь не угасает. Боже, пощади разумное создание Твое, по образу Твоему сотворенное! Аминь.

В нашем церковном хоре басом пел я один, поэтому всегда старался на производстве иметь запас выходных дней, чтобы не пропускать службы.

Как-то летом (по-моему, на праздник Казанской иконы Божией Матери) я отправился в храм на велосипеде - добираться транспортом было тяжеловато. Я очень спешил, так как до службы оставалось всего полчаса. Чтобы преодолеть железнодорожные пути, я съез с велосипеда, перешел с ним через рельсы, потом опять сел и поехал. Дорожка, с обеих сторон вся густо заросшая лебедой, шла в гору. Нажимаю на педали, а велосипед еле-еле движется. Когда я, наконец, въехал наверх, то какая-то сила вдруг остановила велосипед, и я не помчался с горы, а начал валиться набок. Чувствую, что падаю - быстро снимаю ногу с педали и выставляю в сторону, чтобы опереться, но вдруг оказывается, что нога, почему-то не нащупывает под травой землю, а куда-то проваливается. Падаю вместе с велосипедом, но почему-то неторопливо - как в фильме замедленного действия. Когда я упал, даже не понял сначала, навью ли это было. Перевернулся: «Слава Тебе, Боже». Потом думаю: «А правда ли я падал?». Руку поднял - пальцы в траве, значит, действительно, упал.

Когда поднял велосипед, под ним оказался канализационный люк без крышки. Я падал прямо в него, но какая-то благодатная сила придержала меня - и велосипед лег поперек люка, а я не получил ни малейшего увечья. Я поблагодарил Бога за Его милость, быстро сел на велосипед и продолжил путь в храм - как раз к службе успел...

А когда был в очередной раз у отца Виталия, во время трапезы он вдруг начал рассказывать случай: «Вы кушайте, а я буду рассказывать, что было с моим братом. Он в хоре пел...». А я думаю: «Да у Батюшки ж братьев нет!» - но не перебиваю, слушаю. «...И вот этот брат, - продолжает отец Виталий, - торопился на службу. Ехать ему нужно было через дамбу, а там дьявол уже приготовил сети, чтобы его уловить: когда брат ехал через дамбу, дьявол хотел толкнуть его с дамбы. С одной стороны - вода, с другой - пропасть. Но я видел эти лукавые сети и молился, чтобы не случилось несчастье». Когда

ЧБЮРГЕ КОЖИИ

Блаженной памяти
схиархимандрита
Виталия посвящается

Беседа 11
Из воспоминаний
иерея Владимира
Вишневецкого,
г. Таганрог

да Батюшка закончил рассказ, я говорю: «Батюшка, благословите сказать. Вы как про меня говорите. У меня точно такой же случай

случился перед тем, как к Вам ехать - примерно за неделю. Вот почти так же все и было». Батюшка Серафим потом сказал мне: «Неразумный - это ж про тебя он и рассказывал!»

Однажды, помню, собрались мы втроем к Батюшке (я в те время уже был священником). Купили заранее билеты на самолет и в назначенный день выехали в Ростов. Подошли к справочной узнать, когда и где будет регистрация. Стоим недалеко от указанного окошка, ждем объявления. На один рейс объявили регистрацию, во второй... На наш все нет. Мы в недоумении. Остается всего полчаса. Думаю: «Когда же регистрация? Ведь за полчаса до вылета

она уже должна была закончиться, а тут все еще не начиналась!» И что удивительно - людей рядом никого нет. Я - к диспетчеру: «Скажите, пожалуйста, когда же в Тбилиси будет регистрация? Мы стоим, стоим, ждем, ждем...». А она: «А что же Вы ждете? В тапал-то окне регистрация идет!» Мы - скорей туда, а там заявляют: «Уже поздно - регистрация закончилась!» Я: «Как закончилась? Ведь не объявили ничего!» - и к диспетчеру. Нам сказали: «Ну, идите к самолету. Вести Вас уже не на чем - идите к самолету пешком. Подходим с сумками - трап стоит: еще не все пассажиры успели сесть. И поднимаясь, захожу в салон и говорю: «Вот у меня на этот рейс билеты». А нам в ответ: «Подождите. И... Да нет - я не буду ждать, - время-то идет!» Вызовите мне командира корабля». Выходит командир - я говорю: «Мы летим в Тбилиси, у нас три билета. Эти билеты мы купили заранее. Стояли, ждали регистрации - ее не объявили у того окна, где, нам сказали, она будет». Командир чего-то мнется: «Ну, понимаем...», - и смотрит на стюардессу. Та знакомы ему показывает, и я понимаю, что наши места уже заняты. А я в облачении был - говорю: «Вы не бойтесь Бога, если на место священника сажаете кого-то другого»...

В общем, нас посадили: меня - возле туалета на досточке, а моих спутников - в багажном отделении.

И когда мы приехали, Батюшка встречает нас, улыбается и спрашивает:

- Ну, как дорожка?

- Слава Богу, Батюшка. По Вашим молитвам добрались.

- Да, лукавый знал, что вы сюда рветесь. Они видели спонх - грузин, потому что те им хороший шум заплатали... Но с Божией помощью вы прилетели.

Отец Виталий говорил нам: «Когда вы едете, то всегда сообщайте мне, чтобы я мог за вас молиться».

Однажды духовные чада Батюшки ехали к нему в Тбилиси поездом и очень боялись: у Грузии в то время уже были напряженные отношения с Абхазией, и по дороге поезда постоянно останавливали. И вот состав остановился среди поля, и началась проверка.

Дошли до того вагона, где находились эти послушницы, и, минуя его, отправились дальше. А в их вагон даже не зашли.

Приехали сестры к Батюшке, он их спрашивает: «Ну, что, напугали? Я за вас молился – вот Господь и отвел от нас это искушение».

Моя матушка очень хотела попасть к отцу Виталию в Тбилиси. Меня Господь сохранил – я была у него уже несколько раз, а она ни разу и от того очень скорбела: «Это что ж – я такая грешная, что не могу к отцу Виталию попасть?! Или это ты плохо просишь, чтобы меня туда благословили приехать».

И вот как-то она попросила меня сходить в магазин. Иду я через железнодорожные пути и слышу объявление: «Поезд «Москва – Тбилиси» задерживается на 45 минут». Я думаю: «О, успеть бы на этот поезд – и мы у Батюшки Виталия!» Поднимаюсь на второй этаж:

– Скажите, пожалуйста: я слышала объявление, что поезд «Москва – Тбилиси» опаздывает – а билеты на него есть?

– Да, есть.

– Два билета будут?

– Будут.

– А успею я сбежать домой на Вторую линию (это у нас так улицы раньше назывались), взять свою матушку и вернуться сюда?

– Ну, это передали, что 45 минут, но 50 минут – это уж точно, так что Вы успеете.

И я не пошел ни в какой магазин – два дала билета и побежал домой:

– Матушка, быстро собирайся! Билеты уже в кармане – едем к отцу Виталию!

– Куда?.. Что?.. Подготовиться...

– Некогда готовить! Клади в сумку, что тебе нужно – и едем!

Только мы с ней подбегаем к вокзалу – слышим объявление: «Поезд «Москва – Тбилиси» прибывает на первый путь...».

Приехали мы к Батюшке в тот же день, когда начались военные действия. Сходили в храм, вернулись, сели со всеми за трапезу, нам рассказали, как обстоят дела в Грузии. И вдруг: один взрыв, второй... Да такие сильные, что

аж сухие листья с деревьев обмывались! Что такое? Оказалось, на окраине Тбилиси на железнодорожном вокзале, который находится в нескольких сотнях метров от Дидубе, стояли вагоны с ракетами. И они начали взрываться. Что случилось: диверсия ли, или нарушение пожарной безопасности – мы так потом и не узнали. Ракеты лежали на штабелях и были неуправляемыми – летели, куда придется.

Отец Виталий велел матери Марии с другими матушками взять икону и идти в город – молиться там. А нас, отцов (кроме меня и Батюшке приехала тогда еще

Только какая-нибудь ракета поднимается над станцией, зашипит, задымит [значит, сейчас полетит] – отец Виталий перекрестит ее иконой, которая была у него в руках – ракета разорывается и летит в горы. И ни одна ракета после этого над поселком не разорвалась, не навредила, не принесла ущерба! Единственный ушала во дворе у соседа отца Виталия, но не разорвалась. Лишь люстра хрустальная сорвалась от этого с потолка и разбилась на мелкие части. А у Батюшки все осталось цело, только форточку, которую, уходя, забыли закрыть, стукнула об стену во воздушной волной и стеной разбилась. Осколков от ракет во дворе после собрали штук 30 – как они не наделади урона? Послушницы потом спросили у отца Виталия:

– Батюшка, куда эти осколки?

– Вои рабу Божию Владимиру отдайте на память, – так и их с собой в Таганрог и повез...

Когда происходили военные действия, из Тбилиси уже нельзя было выехать: в Абхазию зюварали пути и ни электрички, ни поезда не ходили. Только одно было возможно – лететь самолетом. Отец Виталий сказал сестре, которой было дано послушание отправления и встречать приезжающих: «Забери их билеты на поезд – мы с матушкой, когда только приехали, сразу взяли обратный билет, – быстро слай и возьми на любой первый попавшийся самолет, который летит в Россию. Отправьте батюшек с матушками, иначе такой возможности больше не будет». А в этот момент самолет летел только на Донецк. И нам с матушкой, и отцу Анатолию с матушкой купили билет на этот рейс, и мы улетели. Благополучно добрались до Донецка, а оттуда – до Таганрога...

Вот так мы с матушкой попали к отцу Виталию и в тяжелые часы жизни находились рядом с этим спельником, который своим спокойствием, своей молитвой благославлял и укреплял так, что страха низакого не было – было спокойствие и упование на Промысл Божий во всем, что происходило.

...Бери икону Божией Матери, когда можно, и крести все строения, и Бог и Матерь Божия помогут вам. А когда нельзя, тогда ружью благославляй и желай всегда добра, и Бог поможет Вам во всем.

Из писем святыхкнязя Вильяма

другой священник – отец Анатолий со своей супругой), забрал с собой, велел молиться, и пошел на возвышение над Дидубе. Оттуда было видно всю станцию как на ладони. Вот ракета зашипела, задымилась, покрутилась и полетела. А потом вдруг взрыв! Один, другой, третий... И так непрерывно. А гром – будто бы от тысячи орудий! Повсюду паника, кругом крик, плач, люди бегут. Некоторые бежали туда, где стоял отец Виталий – в основном, бабушки и деточки. Потом стали и мужчины – грузины подходить, собралось довольно много людей. Я стою и думаю: «Вот как беда сплывает! То отца Виталия в Тбилиси мало кто признавал, как сказано: «Нет пророка в своем отечестве». Приезжали к нему из Таганрога, с Донбасса, с других уголков Союза – местные же, в том числе священнослужители, его за старца не считали. А вот когда случилось несчастье – все потянулись». Спрашивают: «Что ж теперь будет?.. А что останется с нашими?..» Батюшка отвечает им: «Господь управит. Все будет благополучно. Все вернется в свои семьи, в свои дома, Господь сохранит». И Господь сохранил.

Христианам о христианстве

из бесед с Кавказским пустынноиком

Быль военных лет

Господь сказал через пророка: «Хотением не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему» (Иез. 33, 11). И действительно – Господь заботится обо всем человечестве и о каждом человеке в отдельности. Несмотря на то, что люди забывали и забывают Бога, Господь о людях не забывает – Он промышляет об их жизни временной и вечной и подает избавление порой самым необычным образом.

Петр Семченков в годы Великой Отечественной войны служил командиром противотанкового орудия, так называемой «сорокапятке». В какое-то время их полк, уже изрядно потрепанный, отвели с передовой на несколько километров в тыл для передышки и пополнения. От немецкой стороны их отделило большое болото, поросшее тростником.

«Остановился временно наш полк, – вспоминает Петр, – на берегу этого болота. Разбили палаточный лагерь. Когда подошла ночь, мы с командиром взвода, лейтенантом, расположились вместе в одной палатке. Я улелся ближе к выходу, лейтенант – дальше в стенке. Крутом была крошечная тьма.

Мне не спалось. В голову приходили разные мысли: о доме, о семье. Как-то машинально я глянул в сторону выхода. Вдруг вижу: стоит передо мной моя жена Аня. Сначала я удивился и даже обрадовался: «Аннушка приехала к нам на фронт!» Вижу ее отчетливо, как днем. Но только почему она молчит? И так строго-строго на меня смотрит...

Наконец, до меня "дошло". Сейчас ведь ночь, и такая тьма, что даже не видно пальцев на вытянутой руке! Как же и ее вижу? Я почувствовал, что на моей голове зашевелились волосы и начали медленно подниматься дыбом. Думаю: "Что-то не то". Толкаю в бок лейтенанта:

– Товарищ лейтенант!.. Товарищ лейтенант!..
– Что случилось?

– Передо мной моя жена Аня стоит!

– Отстан! Ты уснул, увидел сон – вот тебе и кажется!

– Да нет, я по-настоящему вижу! В страхе перенатился я прямо через лейтенанта в угол палатки, под самую стенку. Виденье пропало.

Утром мой лейтенант пошел на доклад к командиру:

– Товарищ капитан, все в порядке. «Не в порядке» только Семченков. Перегулялся ночью – увидел какой-то сон.

– Как перегулялся?

– Да вот так...

– Ну, хорошо, пришлите ко мне Семченкова.

Прихожу, докладываю, что явился. Капитан говорит:

– Товарищ Семченков, рассказывайте какой Вам приснился сон, что Вы испугались?

– Товарищ капитан, это был не сон, я еще не успел уснуть! Я вглядел перед собой свою жену Аню. Потом закатился за лейтенанта и больше ничего не стал видеть.

Капитан, человек молодой, помолчал и говорит:

– Знаешь, что я тебе скажу, Семченков... это вопрос такой... хочешь – верь, хочешь – не верь... но это неспроста. Будь осторожен. Сегодня ты со своим отделением заступаешь на пост. Будь бдителем!

А нам нужно было охранять берег болота, где расположился наш полк.

Подошел вечер. Я поставил своих людей, сам – автомат в руки и хожу по берегу. Потом остановился около большого дерева, росшего почти у воды, и прислонился к нему спиной. Прислушиваясь, приглядываюсь: все тихо. Время – к полудню, но сон ко мне не идет. Будь в обычном состоянии, я бы, может, и задремал, прислонившись к дереву. Но у меня просто вышибло всякий сон, потому что чувствовал: что-то не в порядке. Думаю: «Может, какая беда случилась дома?»

Вдруг мне послышалось, что вроде бы где-то впереди хрустнула тростинка. А там уже начиналось болото – осока и вода. Нервы у меня были на пределе, поэтому и сразу же насторожился и стал прислушиваться. Через полминуты звук повторился более distinctly. В сильнейшем напряжении и навел автомат на то место, откуда исходил звук. Тихина. И вдруг

опять: хрусть, хрусть, и... прямо передо мной в темноте вырисовалась снизу огромная "жабы". Дальше я сдерживаться не мог. Нажал на гашетку автомата и полыхнул длинной очередью по выдвинувшейся "жабей" фигуре. Поднялась тревога. Ко мне подбежали:

- В чем дело, Семечков?!

- Вот, посмотрите. Я не знаю, что там, в нескольких шагах от меня в болоте.

Стали глядеть - я это замаскированный, с кинжалом во рту, немец. Ну, все - дело ясное. Вышше начальство дает команду: "Оценить болото!" И со всех сторон, справа и слева, побежали бойцы окружать болото. Окружили, начали прочесывать и к утру "вазудилан" человек семьдесят немцев. Но это были далеко не все немцы, потому что как только поднялась стрельба и тревога, многие из них успели уйти обратно - так впоследствии говорили пленные.

При допросе выяснилось, что это была немецкая часть, которая получила задание пробраться ночью через болото и всех людей, от-

дыхавших здесь, уставших бойцов и командиров, по возможности перерезать без выстрела.

Снова вызвал меня к себе командир. Крепко сжал мне руку и говорит:

- Ну, Семечков, спасибо тебе. Вот видишь, как оно бывает в жизни-то... Не случайно тебе являлась Аня. Это была "весть". И не только для тебя, но и для многих. Ведь через эту "весть" скольких людей ты спас! Мы представляем тебя к награде.

И, правда: через некоторое время мне вручили Орден Великой Отечественной войны...

* * *

Вот такой рассказ. Его поведал нам один старый фронтовик - боевой товарищ Петра. И это, можно сказать, ответ на сомнения некоторых людей: «Промышляет ли Бог о человеке в том случае, если тот заблуждается и забывает о Боге?»

Вот пример того, насколько Господь промышляет о целом че-

ловеческом обществе - в данном случае воинской части. Заботясь о том, чтобы люди не погибли безвременной смертью, Господь подал им разумление, можно сказать, самым грубым в духовном мире образом.

Современный человек чувствует и воспринимает грубо - люди не привыкли воспринимать тонкие духовные явления. Потому, вот через такие явления, через такой образ спасения от временной смерти Господь зачастую устроит людям избавление и от смерти вечной, т.е. **избавление от неверия**, которое в наше время распространилось в нашем обществе очень сильно.

Так что не будем унывать - просто будем надеяться на Бога, призывать Его во всех скорбных обстоятельствах и не забывать за все эти милости благодарить Его. И постараемся жить так, чтобы наша жизнь не проходила в забвении; пусть это будет хоть слабенькое, но памятование Бога и вечности - чтобы мы помнили о Боге и благодарили Его за все Его милости.

1923 - 1925 годах священник Всеволод Ковригин и его соотцаиник и собеседник - Иван Васильев проживали в Орле, в частном доме на 3-й Курской улице. Отец Всеволод, осужденный к высылению и находившийся под надзором органов государственной безопасности, тем не менее, не оставял пути пастырского. Он совершал службы в приходской церкви, которая в народе именовалась «воинской». Продолжал окурмлять и иноицеи разоренного Введенского монастыря, и жителей пригородных селений, все так же притекавших к нему за наставлениями в вере и житии, жаждущих слова его - слова мудрого и утешительного, идущего от сердца, просвещенного благодатью Духа Святого.

Но, видимо, все сложнее было открыто нести крест словесие Христу пастырю, каждый шаг которого старались отсележивать чекстыи. Возможно также, что, по прозорчивости, дарованной ему от Господа, отец Всеволод провидел, сколь недолго ему еще оставаться рядом с чадами духовными.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

Теперь известно, что с февраля 1923 года, согласно секретному указанию Ленина, органы ОГПУ должны были подвергнуть беспощадному преследованию всех «злейших врагов народа», в числе которых были епископы, священники православной и католической церкви, равнины, диаконы, монахи, хорейстеры, церковные старосты и т. д..

А потому вокруг затворились двери храмов. Иереи же... Иные расточались властями по узилищам, иные отступали от пути Христа сами, уклоняясь в обновленческий раскол, «страха ради иудейска» (Ии. 19, 38). Но сказано апостолом Павлом, что вера «от слышания, а слышание от слова Божия»

(Рим. 10, 17). А «как слышать без проповедующего?» (Рим. 10, 15).

И вот отец Всеволод, заботясь о духовном благополучии тех, кто уже многие годы именно к нему приходил для слышания слова Божия, принимает решение об организации подпольных церквей. Доверает он это благое дело своему келейному служке - Ивану Васильевичу Васильеву.

По благословению отца Всеволода Иван Васильевич отправляется в селение Малая Кулиновка. В соседнем селе - Большая Кулиновка - он в 1921 году прожил более полугода, хорошо знал и жителей Малой Кулиновки. Крестные этой деревни с почитением относились к Введенскому монастырю, часто там

бывали до его закрытия и многие из них являлись духовными «чадами отца Васильева, весьма скорбевшими из-за воздвигнутых на того властями гонений...

В связи с выше-сказанным следует заметить, что в более ранних публикациях о блаженном старце Иване Васильевиче характеристика куликовским крестьянам давалась далеко не лестная: «они занимались грабежом, угоняли лошадей, творили другие беззакония».

В основе данного утверждения, не соответствующего ни прочим известным обстоятельствам, ни воспоминаниям очевидцев, — «Сказание...» Г. В. Неземедской, представляющее собой попытку написания жития старца Иоанна после его кончины и со слов тех, кто уже тогда искренне уверовал в его святость. Отсюда, в ряде случаев, и выходящие от действительности явные попытки следования в построении и слогое повествования древним житийным образцам, дабы подчеркнуть значимость тех или иных деяний старца Иоанна.

Были же куликовцы обычными российскими крестьянами того смутного и неспокойного времени, когда так дорого оказывалось, каждое слово Матери Церкви, остававшейся единственной утешительницей народа Православного, ставшей жертвой невиданного доселе в мировой истории социально-политического эксперимента, затеянного коммунистами.

В частности, сам Иван Васильевич так объяснял сделанный выбор: «Зная, что в деревне Малая Куликовка проживают из числа верующих, разделяющих наше «тихоновское» направление..., я вокруг себя организовал своих единоверцев, которые также были не согласны с политикой советской власти и разделили мои убеждения».

Следуя указаниям отца Всеволода, Иван Васильевич направился в Малую Куликовку и встретился там с теми, кто был наиболее близок ему и Ковригину — с «единоверую-

щими» Иваном Борисовичем Дюкановым и Федором Ивановичем Ляховым. Оба были крепкими хозяевами-единоличниками, людьми се-

Иван Васильевич Васильев (третий слева во втором ряду) и крестьяне деревни Малая Куликовка. Фото 1925 г.

мейными, но, наблюдая, как затворяются двери церквей, а священнослужителей власти влекут на суды неправедные, без возражений согласились предоставить свои жилища для тайных домашних «церквей», прекрасно понимая сколь суровое наказание ждет их, если известие о том достигнет ушей бдительных чекистов. «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29). В это верили и этим, в первую очередь, руководствовались, соглашаясь на предложение Васильева, православные крестьяне Иван Дюканов и Федор Ляхов.

Они, «как «тихоновцы», с моим предложением согласились», — кратко сообщал в 1950

году Иван Васильевич. Как записано с его слов далее: «Жены, религиозную литературу и другие необходимые утвари, при содействии монашки Орловского женского монастыря Шекоштинской Асриллиной Максимовны, доставали у монашек закрытого монастыря, которые в свое время сумели перепачтать церковную утварь из монастырской церкви по своим желаньям».

И вот по вечерам, с 1924 года, стали собираться жаждущие слова Божия жители Малой Куликовки в «церквях» или тайных молельнях, о которых объявлено было верным. Сходились по-разному, «от двух до десяти человек». Помимо Дюкановых и Ляховых, приходили на общую молитву Верижниковы, Стефановы, Ноздрины, Студенниковы. «Стали собираться на беседы, молитвы, читали и пели акафисты. Иван Васильевич разъяснял Священное Писание. Чаще всех собиравались у наших, в Малой Куликовке», — сообщает А. Ф. Дюканова.

Причем, есть основания предполагать, что в домах Дюканова и Ляхова первое время совершались и богослужения. Ведь именно отец Всеволод Ковригин, как свидетельствует Иван Васильевич, до 1925 года «являлся руководителем домашних церквей»...

(Продолжение следует)

Л. МОРФ

Из писем Ивана Васильевича...

Примета смерти души — когда душа не питается Словом Божиим. Стремиться надо, чтобы Слово Божие служило в назидание ведае и всюду, и чтобы Оно было бы слыше меда и сота. Но если Оно не дает вам приятности и веселия в жизни, то оно в нас умерло, одно тело у нас господствует.

Через Слово Божие приходит в покаяние. Покаяние есть звет Бога об исправлении жизни, покаяние — купля смирения, покаяние есть всегдашнее отвержение телесного утешения. В покаянии есть одна самая лучшая добродетель — укорение самого себя. В покаянии повадится нал молитва Инусова, которой Сам Бог учитель.

(Продолжение. Начало в № 22-43)

Ава Феона говорил: нас пленит плотские страсти; потому что ум наш удаляется от созерцания Бога.

Ава Пимен говорил: если кто победит две страсти, то может быть свободен от мира. Брат спросил: какие? Платское плотоугодие и тщеславие. — отвечал старец. Он же говорил: всякое греховное успокоение тела есть мерность пред Господом.

Еще говорил: должно удаляться всего плотского. Человек, близкий к плотскому неусушению, подобен стоящему над глубокой пропастью. Враг человека, в какое бы время ни захотел, легко низвергает его в эту пропасть. Но удалившийся от всего плотского, подобен стоящему далеко от пропасти. Хотя враг повлечет его, чтобы низвергнуть в бездну, но доколе будет влечь его с принуждением, Бог пошлет ему помощь.

Еще говорил: как дым выгоняет из улья пчел, и тогда они перестают работать мед: так и плотские наслаждения изгоняют из души страх Божий и разрушают все доброе делание.

Ава Исидор пресвитер говорил: преданный сластолюбию и сребролюбию не может быть Богоугоден.

Ава Лонгин сказал Аве Аваку: жена тогда узнает, что она зачала, когда остановится ее кровь. Так и душа тогда узнает, что она получила Духа Святого, когда остановится в ней токи низких страстей. Доколе душа бывает одержима страстями, как может хвалиться своим безстрастием? Отдай своим и прими Духа.

Ава Антоний говорил: всегда имей страх Божий пред очами: помни Того, Кто мертв и живит (1 Цар. 2, 6). Возненавидьте мир и все, что в нем; возненавидьте всякое плотское успокоение; отрежьтесь своей жизни, дабы жить для

НИГОИНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

в зрительных и делах святых отцев, живших в IV и V веках

Не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже червь и тля таят, и идеже татне подкопывают и крадут: скрывайте же себе сокровище на Невеси... идеже во есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше... Никтоже может двема господинома работати. Не можете Богу работати и мамоне. (см. Мф. 6, 19-24).

Не будь плотоугодлив.

Не приучай глаз к рассеянности, освящая слух, обуздывая язык и чрево, любви простую одежду, умерь по возможности сон.

Вообще: не давай себе самому наслаждаться или упокоиваться в своем теле, а смотри на него, как на совершенно отдельное от себя успокаивающееся рабочее животное.

Бога; помните, что вы обещали Богу, ибо Он взыщет сего от вас. Алкайте, жаждайте, наготуйте, бодствуйте, плачьте, рыдайте, воздыхайте в сердце своем, испытайте себя, достойны ли вы Бога; презирайте плоть, чтобы спасти вам души свои.

Ава Антоний говорил: думаю, что в теле есть движение естественное, природное ему; но оно не действует, когда душа не хочет и показывает в теле только движение безстрастное. Есть и другое движение, происходящее от питания и разгоричнения тела пищей и питьем. От сего жар крови возбуждает тело к деятельности. Потому-то и говорит Апостол: не упивайтесь вином, в нем же есть блуд (Еф. 5, 18). Равно и Господь заповедал ученикам Своим: внемлите, да не когда отяжчат сердца ваша объедением или пиян-

ством (Лк. 24, 34). В подвижниках же бывает еще и иное движение, которое происходит от корветства и зависти демонов. Итак, надобно знать, что в теле бывает тройное движение: одно естественное, другое от безразличного употребления пищи, а третье от демонов.

Ава Пимен сказал Аве Анувию: отвари очи твои, еже не увидишь суеты (Пс. 118, 36), ибо воляньство убивает душу.

Однажды Ава Исидор пошел к Аве Феодилу архиепископу Александрийскому; и когда возвратился в Скит — братия спросили его: каков город? Он сказал: поистине, братия, не видела лица человеческого, кроме одного архиепископа. Услышав это, братия смутились. Не опустел ли город, Ава? — спросили они. Нет, — отвечал Ава, но помысл не увлек меня взглянуть на кого-либо. Услышав сие, братия удивились и поставили себе на правило: хранить глаза свои от рассеянности.

Рассказывали об Аве Иоанне:

был в Скиту, зашел на собрание и, услышав там спор некоторых братьев, возвратился к своей келье, обошел ее три раза крутом, и потом вошел в нее. Некоторые братья, увидев его, не понимали, для чего он это сделал, и пришедши спрашивали его. Ава отвечает им: ушли у меня были полны прекословия: я ходил крутом, чтобы очистити их и в безмолвии ума войти в свою келью.

Ава Пимен спросил Аву Антония: что мне делать? Старец сказал ему: не надейся на свою праведность, не жалей о том, что прошло и обуздывай язык и чрево.

Однажды брат пришел к Аве Пимену и говорит ему: что мне делать, отец? Мени мучит блудный помысел. Ава Пимен отвечает брату: если будешь воздерживать свое чрево и язык и будешь жить как странник, то, поперь, не умрешь.

Брат спросил Авву Тифон: как мне сохранить сердце свое? Как нам сохранить сердце свое, - отвечал старец - если язык и чрево отверста?

Однажды братья пошли из Скита к Авве Антонию. Возшедши на корабли, чтоб отправиться к нему, нашли они одного старца, который хотел идти в ту же сторону. Братья не знали его. Сидя на корабле, братья рассказывали наречения Отцов и из Писания; также говорили о своих рукодельях. Но старец молчал. Когда они вошли в пристань, оказалось, что и старец шел также к Авве Антонию. Когда пришли к Антонию, он сказал им: хорошо вы нашли спутника в этом старце! Потом и старцу сказал: хороших и ты, Авва, нашел братьев! Старец отвечал ему: они хороши, но дщерь у них без ворот. Кто хочет, подходит к стойлу и отвызывает осла. Это сказал старец потому, что они говорили все, что ни приходило им в голову.

Авва Пимен говорил: если человек будет помнить слова Писания: *от словес своих оправдился и от словес своих осудился* (Мф. 12, 37), то лучше решится молчать.

Брат спросил у него же: что лучше - говорить или молчать? Старец отвечал ему: кто говорит для Бога, тот хорошо делает; равно хорошо делает и тот, кто молчит для Бога.

Он же сказал: иной человек, кажется, молчит, но в сердце своем осуждает других: такой непрестанно говорит. А другой с утра до вечера говорит, а между тем соблюдает молчание, потому что он ничего не говорит без пользы.

Однажды некоторые из братьев пришли испытать Авву Иоанна, ибо он не позволял своему уму развлекаться и не говорил о делах житейских. Братя говорят ему: благодарение Богу, в нынешнее лето много было дождя: пальмы наплены и пускуют отростки, братия будят иметь себе рукоделье. Авва Иоанн отвечал им: подобным образом, когда Дух Святой находится в сердца человеческие - они обновляются и возвращаются в страхе Божиим.

Авва Даниил сказывал, что Авва Арсений никогда не хотел говорить о каком-либо спорном месте из Писания, хотя и мог, если бы захотел. Даже и письма редко писал.

Брат спросил Авву Пимена: если я увижу что-нибудь, то позвошишь ли мне рассказать об этом. Ста-

рец отвечал: Писание говорит: *име отвечает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13). Если спросит тебя, говори, а если не спросит, молчи.

Авва Иосиф спросил Авву Нестерю: что мне делать с языком моим? Не могу удержать его. Старец спросил его: а когда говоришь, имеешь ли покой? Авва Иосиф отвечал: нет. Старец сказал: если не находишь покоя, для чего же ты говоришь? Лучше молчи; и если тебе случится кем беседовать, то более слушай, нежели говори.

Авва Пимен говорил: если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил.

Авва Арсений говорил: после бесед я часто раскаивался, а после молчания никогда.

Брат спросил Авву Матон: что мне делать? Меня беспокоит язык мой; когда я бываю с людьми, не могу удержать его, но осуждаю и обличаю их во всяком даже добром деле; что мне делать? Старец сказал в ответ: сиели ты не можешь удержать себя, то беги в уединение, ибо это немощь. Кто живет с братьями, тот должен быть не четырехугольным, но круглым, дабы мог катиться во всем. И я живу в уединении, присовокупил старец, не по крепости духа, но по немощи, а сильные живут и среди людей.

Авва Исидор пресвитер часто говаривал: кто предается пьянству, тому не избежать наветов помыслов. Лот, принужденный до черыма своими, упился вином, и дьявол через опьянение легко вовлек его в беззаконное блудодеяние.

Авва Иоанн Колов говорил: кто из животных столько силен, как лев? Но из-за чрева своего и он попадает в сети, и тогда все могущество его смирняется.

Настоятель Киновии спросил Авву Пимена: как мне приобрести страх Божий? Как нам приобрести страх Божий, - отвечал Авва Пимен, - когда у нас чрево, как сосуд, наполненный сыром, и как бочка с солеными припасами?

Авва Даниил говаривал, что по той мере, как тучнеет тело, истощается душа, и, напротив, по мере истощения тела, укрепляется душа.

Авва Иоанн Колов говорил: если царь захочет взять неприятельский город, то прежде всего удерживает воду и съестные припасы, и таким образом неприятель, поги-

бав от голода, покоряется ему. Так бывает с плотскими страстями. Если человек будет жить в поспе и голоде, то враги, ослабев, оставят душу его.

Рассказывали об Авве Пимене, что он будучи зван братом к обеду, пошел, хотя против воли своей со слезами, - дабы только не ослушаться брата своего и не ослепнуть ему.

Некоторые отцы спросили Авву Метефия: если останется кашница к другому дню, то присововетуешь ли братьям есть ее? Старец отвечал: если она испортилась, нехорошо принуждать братьев есть ее со вредом для своего здоровья. Я знаю, надо бросить. Если же она хороша, то не хорошо бросать ее из одной прихоти и варить другую.

Авва Марк спросил Авву Арсения: хорошо ли не иметь в своей келье никакого утешения? Я знал одного брата, который имел у себя несколько овощей, но потом вырвал их. Авва Арсений отвечал: хорошо, но, смотря по способности человека; ибо если он не имеет сил для такого образа жизни, то опять насадит других овощей.

Авва Даниил сказывал, что Авва Арсений не более одного раза в год перенял воду, в которой размачивал ветви, но только подливал новой воды. А из ветвей vino он веревку и плел корзины до шестого часа. Старцы убеждали его, говоря: для чего не переняешь воды на ветвах - она уже дурно пахнет? Арсений отвечал им: за благоволения и масти, которыми наслаждался я в мире, надобно мне терпеть это алоение.

Однажды к матери Сарре пришли пустыинники. Она предложила пришедшим корзину с плодами. Оставляла хорошие плоды, они или только гнилы. Сарра сказала им: поистине вы пустыинники.

Авва Исаак говорил братьям: отцы наши и Авва Павло носили страх Божий; а вы теперь носите одежды дорогие. Пойдите отсюда: от вас запустела адешия места.

Авва Павло говорил: монах должен носить такое платье, которое бы никто не взял, если бы было выброшено из кельи на три дня.

Сказывали об Авве Арсении, что как при Дворе никто не носил одежды богаче его, так и в обществе иноков никто не носил одежды хуже его.

(Продолжение следует)

Знаменский монастырь возрождается

Святитель Тихон в беде не оставил

Глава 5

лещий женский монастырь на Каменной горе, формально упраздненный указом Св. Синода от 29 апреля 1764 года и фактически уничтоженный пожаром 12 апреля 1769, на целую полвека прекратил свое существование. Но не пресеклось подвижничество монашеское житие на опустошенном огнем пепелище.

И после расселения с Каменной горы монахинь оставались здесь две старицы – Ксения и Агафия, смиренно претерпевавшие выпавшие на долю их жизненные тяготы. По преданию было тогда Ксении 60, а Агафии – 80 лет. Они поселились в месте, где еще недавно стоял храм Божий. Сначала старица Ксения устроила себе и Агафию малую коморочку из уцелевшего от пожара каменного погреба, покрыв его дубовыми ветвями, обмазанными глиной. Внутри сама сложила печь, а из обгоревших досок сделала дверь. «И в этой импровизированной убогой келии смиренные старицы возносили денно и нощно свои пламенные молитвы Небу, моля Господа и Пречистую Богородицу о восстановлении истребленной огнем их святой обители... Оставались тут среди развалин, старицы крепко верили, что рука Господня будет с ними, веряли и тому, что Он, Милосердый, восстановит их разрушенную пламенем святую обитель – в славе Пресвятого имени Своего», – замечает по этому поводу иеромонах Геронтий. И вера их подкреплялась утешениями, которые в милости Своей ниспосылал им Господь.

Вест о беде, постигшей елецких Чернид, и о старичах-подвижниках, не пожелавших покидать места, где некогда суждено было им искать спасения, достигла и святителя Тихона, жившего в то

времени на покое в Задонском Богородицком монастыре.

«Услышав о такой тяжелой беде и скорби, постигшей город Елец, отзвучивший на все благое-доброе, ве-

ликий угодник Божий святитель Тихон, тогда же из Задонска прислал схимонаха Митрофана, посетить с крестом и гражданами нуждающимся подать тайную милостыню, также и на Каменной горе приказал посетить убогих стариц Ксению и Агафию и утешить их упованием на Бога и милостивным подаянием. Тогда старицы, собрав св. иконы и книги, показывали их схимонаху Митрофану, которого весьма любили и уважали о Господе, как отца духовного. А схимонах Митрофан, от лица святителя Тихона ободрял и утешал их надеждою, что это святое место, избранное Господом для водворения иночествующих, не будет в запустении, но в скором времени обновиется благодатью Божию», – сообщает отец Геронтий.

Явлено было старичам-отшельникам и несомненное знамение свыше, весьма укрепившее их в решимости и далее пребывать в трудах и молитвах именно в месте этом, временно опустошенном пожаром, с надеждой на будущее возрождение святой обители.

Вот как излагает происшедшее отец Геронтий: «Однажды ночью

старица Ксения вышла по обыкновению из своей подземной келии и, став на месте бывшего храма Божия, в безмолвии долго со слезами молилась и заливала в молитве свою скорбную душу пред Единым Сердцеведцем Господом. Вдруг она ощутила необыкновенное величие благодати в сердце своем. Объятая благоговейным трепетом и радостью, она стала громко звать сотрудницу свою Агафию. Та немедленно вышла на зов из келии и им обоим представилось чудное явление: озаренный божественною славою, какой-то всадник простер руку на то место, где была сгоревшая обитель, осенил ее благословением и сказал: «Буде имя Господие

благословенно на месте сем от ныне и до века». Прибавил к тому, что он мученик Христов Иоанн Воин, стал невидим. Старицы поклонились с Господу Богу и прославили святое и великоименное имя Его, веруя, что Ему угодно будет, по человеколюбию и всемогуществу Его будет исполнено. Также и святому муче-

нику Иоанну Воину воздали они честь и благодарение за обещание им милости Божией и, радуясь о преславном видении, ожидали помощи свыше для возобновления св. обители».

А тем временем к месту, освященному искренними сделанными молитвами благочестивых трудниц, благословением пребывавшего в Задонске святителя Тихона, начали собираться искушение спасения сестры.

Так весной 1770 года уроженка Ельца, девица Матрона Ивановна Солнцева 22 лет, покинув до того на испытании в Воронежском Покровском женском монастыре, пошла в Елец повидаться с отцом. В Воронеже Матрона обучалась грамоте и золотшвейному искусству и немало в сем преуспела.

Святитель Тихон Задонский

По пути зашла к святителю Тихону в Задонск, дабы принять его благословение. Святитель благословил ей остаться в Ельце на Каменной горе, и предрек, что монашество таможний, после разных скорбей, возобновится.

Придя в Елец, Матрона на месте старшего женского монастыря нашла одну только убогую келью, где одного жили старца Ксения. Сотрудница и сожительница ее Агафия уже отошла по Господу. Увидев то, своль убого житие Ксении, Матрона смутилась. Кроме того, Ксения рассказала ей о притеснении со стороны проживающих поблизости крестьян, бывших прежде монастырскими. Соседи-землепашцы тужили лишь о стогрешных храмах Божиих, желая иметь свой приходской храм. Возобновления монастыря же крестьяне вовсе не хотели, поскольку многие свободно завладели бывшими монастырскими выгонами и огородами и прочую землю. Так что, по словам старца Ксении, если бы особая помощь Божия не соблюдала отшельниц, то их и вовсе выгнали бы с пепелища.

Услышав это, Матрона не решилась остаться на Каменной горе, а пошла обратно, в Воронеж. На пути снова зашла в Задонск и объяснила святителю Тихону причину, почему она не осталась в Ельце. «Попадаи, батюшка, святитель Христов, – говорила она, – оттуда монахи перевели всех до одной в Воронеж, а ты, батюшка, меня из благоустроенного монастыря туда выводишь на пепелище! Я еще не старых лет. Жаль, Матрона, – отвечал святитель, – что ты не послушалась меня и не осталась в Ельце, ты и сама покалещь об этом.

И действительно, по возвращении в Воронеж, Матрона сделалась больна и полтора года пролежала в постели. Признавая в своей болезни наказание Божие за ослабление, она дала обещание, если выздоровеет, все-таки искать спасение на елецком Каменогоро. И вскоре после ее обещания, данного с молитвою, от чистого раскаявшегося сердца, болезнь прошла. Матрона, сопровождаемая послушницею Екатериной Филипповной Уваровой, отправилась в Задонск. Служница Матроны была старше ее с годами (1740 года рождения), уроженка города Липсца.

В 1772 году, испросив благословение святителя Тихона, поселились матушки Матрона и Екатерина в Ельце на Каменной горе, на месте бывшего монастыря, вместе со старцею Ксениею, которая в это время с помощью Божию имела уже свою деревянную келью. Тогда же, по просьбе святителя Тихона, елецкой купец Конов Никитич Кожухов выстроил и для Матроны с Екатериною особую деревянную келью. «Святитель Тихон во время приездов в Елец навещал сестер, руководя советами и наставлениями в духовной жизни. Он же просил елецких купцов благотворить сестрам», – сообщает П. В. Никольский. Основываясь на рукописном житии святителя Тихона, хранившемся до революции 1917 года в церковной библиотеке Елецкого Знаменского женского монастыря, автор жизнеописания елецкой подвижницы, затворницы Мелании, епископ Макарий (Миролюбов) приводит такой случай: «Однажды в зимнее время, за неизменном дров, Матрона хотела изрубить половину

и ею истопить печь. Святитель Тихон послал схимонаха Митрофана копать им дров, и он достал им дрова в такой приятней пуде».

Матушки, избравшие скучное и неуютное житие в руинах стогрешного монастыря, пользовались уважением и весьма многих именитых ельчан, издревле почитавших место это святым и весьма значимым в истории города. «Жители города Ельца и пришедшие посещали Каменную гору. Немало удивлялись они мужеству отшельниц и всегда желали возобновить святую обитель, и хотя, по расстройству от бывшего пожара, не могли скоро подать единовременную помощь, но с благоволением упованием на Бога, никогда не забывали тамошних тружениц по сильному поданию милостины», – так рассказывает об этих нелегких годах владыка Макарий, добавляя, что «почитатели святителя Тихона слушались его благовоению, принимали его внушения и считали своею священною обязанностию помогать отшельницам».

Пока же на Каменной горе, как о том и хлопотали ранее местные крестьяне, выстроена была «на добротных пожертвованиях» деревянная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы и Ее честной иконы «Знамение». К церкви тогда же приписан был один штат клириков. В приходе оной числилось 29 дворов и 90 душ мужского пола из Ламской и Черной слобод. Была новопостроенной церкви дана и земля на содержание причта.

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

ЧУДЕСНОЕ ЛЕКАРСТВО

Больной: Есть ли лекарство, исцеляющее от грехов?

Врач: Есть, и я тебе укажу его. Возьми корень послушания, ветвь терпения, цвет чистоты, плод добрых дел, сотри все это в сосуде смирения, просей сквозь сито здравомыслия, всыпь в чашу упояния и прибавь несколько слезной воды. Потом разведи огонь Божествен-

ной любви, покрой чашу милостыней, обложи ее дровами трудолюбия. Когда приготовленный состав совершенно растворится, тогда простуди его братолюбием и прими ложечку покаяния. По принятии этого врачевства с чистою верою при способе воздержания и поста ты излечишься от всякой греховой болезни и будешь здоров телом и душой.

Блаженной памяти схимитрополита Серафима посвящается

Жизнь, исполненная страданий

Двадцать лет со дня упокоения владыки Зиновия

Слово пресвященного Николая епископа Липецкого и Елецкого, сказанное на панихиде по схимитрополиту Серафиму (Можуга) 7 марта 2005 года

Царство Небесное, место покойное ныне приснопоминаемому схимитрополиту Серафиму.

Сегодня исполняется 20 лет со дня его преставления – исхода из этой жизни в Вечность. Этот день – день радости, потому что владыка собрал нас всех, как единую семью, чтобы мы совершили панихиду по нему, по его родителю. В этот день множество его духовных чад служат о нем панихиду. И я так думаю, не столько она нужна ему, сколько – нам: ведь мы вопнем к нему на Небо, чтобы он не забывал нас, помнил о нас, помогал нам.

Он более близок нам под именем владыки Зиновия, потому что постриг в схиму был тайный.

Двадцать лет... Но кажется, будто мы все это время были рядом с ним, будто мы его и не теряли – так живо вспоминается наше общение, поездки к нему в Тбилиси.

Его жизнь для меня и для многих является образцом и примером. Владыка был очень скромным, почти никогда ничего о себе не рассказывал, но за 11 лет моего общения с ним мне удалось кое-что о нем узнать. Ему было три года, когда умер отец, в 11 лет – умирает его мать Феодосия. Он остался круглым сиротой. Но Господь взял отрока под Свой покров: живя у своей сродницы, он постоянно ходил в Глинскую пустынь, а когда ему исполнилось 16 лет, его отдали туда наосевем. В обители сформировалась его личность...

Позднее он попал на войну. В Белоурское поместье на болотах он заступил себе ноги и с тех пор, до конца жизни, мучился и страдал от тяжелых болезней: экзема и тропической лихорадки.

После войны пять лет был в лагерь – трудился на Соленом озере, где (также в воде) добывал соль... Память у него была великолепная, он много служб знал наизусть и в тюрьме также совершала службы.

Однажды его и еще двух священников привели в камеру. А тогда вещи, одеяло и паек заключенные носили с собой в узелках. Каждый сел на свой узелок, чтобы не вырвали из рук. Священнослужителей и верующих всегда подсаживали к бандитам, и вот, один узелник тиет из-под владыки его узелок – владыка поднялся и отдал. Второй батюшка тоже безропотно отдал, а третий священник им говорит: «Зачем вы отдали? Как вы теперь будете – ни перекусить нечего, ни спать не на чем!» Владыка промолчал. Тогда он был еще не владыкой, а архимандритом. А утром смотрят: их узелки стоят возле них, а у третьего иерея узелка нет...

Как-то в их камеру поселили уголовника. У него с собой ничего не было, и вечером он расстелил газету и улеге спать на голом полу. Тогда владыка разорвал пополам свое одеяло и половину отдал ему. А утром уголовник встал и сказал: «Отец, помни – тебя никто тут не тронет. Я вор в законе, и мое слово здесь – закон». И, действительно, его никто не трогал. Владыку любили в тюрьме. Милость Божия, благодать Божия ограждала его.

Жизнь его – это очень тяжелый крест, непростой путь к вечной славе, путь к Небу, путь к Царствию Небесному...

После тюрьмы старцы приняли его в Сухуми. Было гонение, и владыка Зиновий жил и подвизался в сухумских горах. Затем их оттуда разогнали. Он приехал лечиться в Тбилиси. Там его ограбили, вытащили документы. А в советское время было очень нелегко получить новые документы – если выдадут, то только «волчий билет, или вообще «примут меры».

Однажды его привели в милицию и начали допрашивать. Обсудили – нашли в кармане четки. Следователь кричит: «Кого вы привели?! Это же монах! Вы с уголовниками работаете, а не с монахами!» – и отпустил его.

Только спустя некоторое время ему, милостью Божией, оформили документы. Так он остался жить в Тбилиси, его поставили во главе русских приходов в Грузии, он окормлял грузинские приходы в горах и приходы в Армении. Еще будучи архимандритом, часто без устали ходил пешком из селения в селение, никогда не отказывался от треб, которые его просили совершить... Так – от силы в силу – он возрастал духовно. Все очень любил отца Зиновия. Он – первый русский архирей, которого посвятили в Грузию.

Будущего Святейшего Патриарха Илия он постригал в монастыше. Он его и избрал на патриарший престол.

Святейший очень любил владыку. Не раз он предлагал постро-

ить ему резиденцию в городе, но владыка неизменно отказывался: «Я люблю храм и от него нигде не пойду», — продавая жить в своей маленькой кельежке при храме Александра Невского. Покои его были настолько тесны, что приезжающие архиереи ужасались: «Как владыка тут живет?! В келье его стоял небольшой столик, кровать. Над кроватью — коврик «Добрый Пастырь» с овечками. И маленькая трюфельная — чтобы туда сесть, нам изрядно приходилось протискиваться между скамеечками и столом. Здесь владыка и совершал свое правило, молился.

Когда мы приезжали, он еле передвигался (у него очень сильно болели ноги), но все же обязательно кое-как дойдет до алтаря, во время службы вынет частичку из просфор и затем уйдет. Его жизнь протекла возле храма, он не хотел нигде удаляться от того места, где, он чувствовал, его и погребут.

Он не был внешне красив, но духовно — будто какая-то сила притягивала нас к владыке: мы всегда старались найти повод, чтобы к нему подойти, чтобы сказать, спросить, взять благословение, хотя бы просто постоять рядом. Это был удивительный человек: девственник, молитвенник.

Мы постоянно ездили к владыке Зиновию, он был дорог нам. Как старец — принимал всегда с любовью, с радостью и неизменно старался чем-то нас утешить.

До того, как я пришел под владыкино окормление, я был духовно сиротой. Я чувствовал, что все окружающее не устраивало меня — ездил по монастырям и не находил тех, кто взял бы меня под свой покров, вел бы, управлял мною. А потом я попал к ним: первоначально — к схимонахине Антонии, потом — в Тбилиси. И с тех пор я был спокоен. Приехав в Тбилиси — все забывается, все хорошо и так благодатно, как будто бы и нет гонимости, нет советской власти, КГБ — ничего нет, все отлично. По молитвам владыки и отца Виталия¹ я жил как в раю, и поэтому они так мне дороги!

Когда на меня начал давить КГБ, я пожаловался владыке Зиновию, а он и говорит: «Отец Никон, ко мне тоже как-то пришел один

мужчина: «Батюшка, нужно отпеть покойника. Мы вас ждем в сельсовете». Я так возмутился и резко сказал: «Ну, знаете!.. Никакого сельсовета!» И все...». И после этого, когда я рассказал владыке о том, что на меня пытаются «давить», КГБ от меня отошел! Ну, конечно, на время. Где-то, когда-то встречали, требовали, чтобы я на них работал, но страха перед ними уже не было...

Как-то владыка Зиновий назвал меня своим четвертым сыном. Я понимаю, что недостойно столь великой чести. Эти слова

Епископ Алексий и Епископ Никон на панихиде по владыке Зиновию, совершающейся во Владимирском соборе Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря

были, вероятнее всего, сказаны мне для того, чтобы и всегда во всех трудных жизненных ситуациях опирался на владыку Зиновия, отца Виталия — на всех тех старцев и старц, с которыми я был знаком, и которые до сего времени помогают мне в моей жизни. А помощью от них велика — и мне, и всем тем, кто молился и молится о них, кто просит их о помощи. Когда мы читаем книги о подвижниках благочестия, о святых, то там часто встречается старческий наказ: «Приходите на могилку, попросите меня — и я вам помогу». И когда мы видим сейчас их образ на фотографии или на живописном портрете, нужно только попросить — и они помогут...

Однажды мы приехали в Тбилиси с игуменом Варсонофием (Шенцельем) и дорогой в самолете решили, что нужно будет выбрать в город и купить себе летнюю обувь. Прилетели, побывали у владыки, потом пошли в храм, а оттуда — в магазин. А владыка, наверное, почувствовал, что в храме нас нет и попросил мать Нину: «Сходи, посмотри, где отец Никон? Она приходит в храм — ей говорят: «Они отправились в город», — мы сказали об этом местным священнослужителям. Когда мы вернулись, владыка строго нас отчитал: «Отец Никон, нельзя без благословения нигде уходить. Если ты приехал сюда, ты должен все делать по благословению. Кстати сказать, в тот раз мы абсолютно ничего из обуви для себя не нашли — ничего не подошло ни игумену Варсонофию, ни мне, хотя, обуви в тех южных местах всегда было очень много.

А в следующий раз, когда я прилетел, я взял благословение: «Владыка, благословите купить босоножки». «Бог благословит», — и я тут же, рядом с храмом, зашел в магазин и нашел, что искал.

Это я говорю к тому, чтобы и мы жили по благословению. А то, иной раз думаем: «Да нужно ли спрашивать — надоедать? А может, и не стоит: возьмешь благословение — надо его исполнять, а у меня сил не хватит», — и мы стараемся этот вопрос обойти...

Помню, приезжаем к нему, нечто пропсенья — владыка молится. Мы говорим: «Владыка, Вы спите». А он в ответ: «Вы спите, спите. Я еще правило не окончил». Хотя в последние годы по болезни он и не бывал ежедневно в храме, но обязательно вычитывал на память все службы в келье.

Владыка претерпевал тяжелые болезни. Как-то он попросил схимонахиню Евстратию пошить ему батистовую подрабку, потому что у него нырвало и болело все тело! У него были страшные боли — это подтвердил и схимархимандрит Виталий. Как-то он, взяв владыку, попросил: «Господи, дай мне владыкину болезнь», — и у него образовалась на ноге язвочка, точно такая же, как те, которые всегда бывали у владыки. Отец Виталий сам при жизни много страдал, никогда не жалуся, перенес две язвы желудка, у него за-

¹ Схимархимандрит Виталий (Сидоренко)

живо сгнила почка, но даже он говорил: «Я не знал тогда, куда мне деться, что предпринять – такие

Святитель Серафим (Маврука)

боли!» И только когда стало уже совсем немощно, и мать Мария принесла отцу Виталию владычнину мазь, боль стала стихать. Такую болезнь терпел слабый, немощный телом старец!..

А мы сейчас не хотим терпеть ни болей, ни тесноты, ни укора, ни трудностей – ничего. Посмотрите, какая вера была у старцев – и им Господь посылал испытания. Владыка Зиновий всю жизнь страдал: претерпевал и болезни, и войны, и тюрьмы, и гонения, и преследования... Ведь мог Господь своего раба помиловать, покрыть от всего – но нет. И владыка не роптал. А мы, только кто-то в чество нас укорил – сразу впадаем в малодушие, в расстройство, начинаем возмущаться: «Невозможно это все терпеть!» Или, если живем в монастыре: «Тут невозможно жить! Это не монастырь, а вертеп разбойников!» А к владыке приходили и пьяные, и бандиты, а он со всеми обходился с яротостью, укрощая строптивых, гневных, яростных.

Однажды пьяный хромой калека зашел в храм, что-то попросил – ему не дали. Хотели совсем из храма прогнать – он начал костьюем бить иконы! Побесили быстрее за владыкой. Не позвали соседей – грушниц – нет, бегут к владыке, при-

вели его. Он стоит перед разъяренным пьяным – низенький, худенький старичок – и спрашивает: «Мил человек, что с тобой случилось?»

– Да вот они!..
– Ой, милый, да они тебя просто не поняли! А так они у нас хорошие! Вот – на тебе 10 рублей.

Пьяный начинает плакать: «Я у них помощи просил!.. Я хотел здесь попросить!.. Я... – не помню – только что из тюрьмы он что ли вышел. – Большие у меня трудности... А ты такой, дедушка, хороший! – и спокойно ушел.

Владыку часто звали «дедушкой». Бывало, сидит он у своего окошечка, а люди подходят и через сеточку просят: «Дедушка, благословите», – и он всех благословлял. Келейнику своему он говорил: «Когда тебе будет трудно, ты позови дедушку – он тебе поможет».

Он всем старался помочь. И, безусловно, были моменты, когда люди обращались к нему, считая, что они уже погибают, т.е. весь мир сейчас подвержен действиям лукавых духов – и вдруг все чудесным образом улаживалось, по молитвам владыки Зиновия помощь приходила мгновенно.

Благодать исходила от него. Я как-то уже рассказывал о том, как владыка заочно исцелил моего отца от рака, схимонахию Тавриону – от страшной экземы, когда вся голова ее была покрыта сплошной коркой. Были и другие чудеса...

Но владыка, как я уже сказал, был очень скромен. Он никогда ничем не хвалился, никогда не многословил, улыбался – и то очень редко, потому что своя и чужая боль, горе и скорби людские – они давили на него. Он был печальником и молитвенником за всех православных христиан. И ему было очень трудно.

К тому же, находились люди, которые приходили и требовали от него невозможного. Однажды приехала староста из Краснодара (называется, из ростовского храма). Так она не то, чтобы просила – она требовала, чтобы ее вернули на должность старосты, с которой ее по каким-то причинам, как это обычно бывает в храмах, сняли. Когда она вышла, я зашел к владыке – он пожаловался мне: «Отец Никон, я не знаю, чего она от меня хочет!» – он чуть не плакал – до такой сте-

пени она давила на него. Я как мог, сказал несколько слов ему в утешение... Владыке приходилось нести тяготу, вар и иной от всех людей, которые к нему приходили: одни – за помощью, а другие, может быть, вот так досаждают старцу – большому, немощному, но духовно сильному Недаром схимархимандрит Виталий говорил: «Владыка Зиновий – как огненный столп от земли до неба. А отец Андроник – это равноапостольный муж». Я не спрашивал его характеристики старцам – он сам это сказал, вероятно, для того, чтобы и я передал всем вам, что за человек жил среди нас до 1985 года.

Умер он там же, где и жил – в своей владычней нелейне предал душу Богу. Ради любви к нему, Патриарх Илия благословил похоронить тело владыки в храме: «Пусть он будет постоянно с нами – здесь, в этом храме Александра Невского», – сказал он на погребении.

Пусть же схимитрополит Серафим всегда будет и с нами. Благодарю вас за то, что вы пришли на панихиду по этому старцу, и прошу: не забывайте его в своих святых молитвах.

Место захоронения владыки Зиновия (в лике Серафима), митрополита Твердской епархии, 1896-1985,

храм св. Александра Невского, ст. Тихон

Царство Небесное, место покойное схимитрополиту Серафиму, схимархимандриту Виталию, Андронику и всем старцам Динскам. Господь Бог убождает нас, упокоит, а нас помилует, яко Благ и Человеколюбец.

уховные чада больше знали скингмена Митрофана под именем отца Серафима – к схиному он принял только перед смертью.

О детстве его известно следующее. Никита Михайлович Мяснин родился 14 сентября 1902 года в деревне Марьева Щучевского района Воронежской области. Кроме него в семье были еще дети: Кирилл, Татьяна, Акилина... Родители его, будучи верующими, смогли привить любовь к вере и своему сыну. Даря часто на руках носила Никиту в церковь Андрея, Христа ради юродивого, которая находилась в четырех километрах от них, в селе Михайловка. Еще с детства Никита полюбил храм и совсем маленьким бегал туда один. А там сосредоточенно стоял и слушал службу, внимая тому, что читают и поют...

Никита рано лишился матери, а матушка не очень хорошо относилась к детям – нелегко было и Никите...

Стоя в храме со вниманием, Никита рано начал понимать церковное богослужение. Бывало, едва только услышит звон колокола, со всех ног бежит в церковь, иногда в ранних носках или вообще босиком.

В детских играх сверстников Никита не участвовал, но любил собирать детей и вместе с ними петь церковные песнопения.

Когда он повзрослел, его взял к себе в Воронеж родной дядя Максим. Бывало, дядя даст ему денег и скажет: «Сходи в цирк», а Никита берет деньги и идет в церковь.

Скингмен Митрофан

Сегодня мы продолжаем публиковать материалы, повествующие о жизни скингмена Митрофана (Мякинина). Со времени первых публикаций (см. «Задонский паломник», №№ 29-31 2003 г.) нам удалось записать новые воспоминания его духовных чад, познакомиться с материалами, хранящимися в архивах...

Дядя потом спрашивает: «Ну, был в цирке? Как там? Интересно?» Никита отвечает: «Да был... Я уже все забыл...»

Ему очень нравилась монашеская жизнь, он стремился к ней. Стал ездить по святым местам, часто бывал в Киево-Печерской Лавре. Когда он решил оставить мир, в Лавру его не приняли, и он поехал в Нило-Стоббенский монастырь. Вскоре этот монастырь закрыли, и он снова вернулся в Киев. Здесь Никита встретился со старцем, который благословил его идти в мир, сказав: «Там ты нужен».

Приняв постриг, Никита (теперь уже монах Серафим) приехал на родину и устроился у себя в храме вкватором. Через некоторое время владыка Захарий рукоположил его в иереи и направил служить в село Старый Эртыль – в мольный дом. После перевел в село Малые Ясырки.

В Ясырках отца Серафима арестовали. При аресте предъявили постановление Усманского О/С НКВД, в котором, в частности говорилось: «1934 года 17 июля г. Усманы Воронежской обл. Я, оперуполномоченный Усманского оперсектора НКВД Иванов, рассмотрев имеющийся материал в отношении гражданина села Эртыль Мякинина Н.М. и принимая во внимание, что он достаточно изобличается в том, что входил в состав группы антисоветски настроенных церковников, проводящих активную антиколхозную деятельность и пропаганду среди окружающего населения монархических идей, участвовал на нелегальных собраниях группы и проводил индивидуальную антисоветскую агитацию. ПОСТАНОВИЛ:

1 Архиепископ Захарий (Лобов), священномученик

– гр-на Мякинина Н. М. привлечь к ответственности по ст. 58, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда, избрав содержание под стражей в Усманской ФЗОТФ».

Под следствием он находился более полугода.

Обыскав его келью, оперуполномоченный составил протокол обыска: «...ИЗЪЯТО: разная переписка на 32-х листах, одно письмо, удостоверение одно, указания от архирея на 12 листах».

Началось «следствие», точнее – старание во что бы то ни стало найти со стороны отца Серафима какую-нибудь вину против советской власти.

10 февраля 1935 года вынесено постановление Особого Совещания при НКВД СССР: «...Мякинина Никиту Михайловича ... направить первым отходящим этапом в г. Караганда» – в КАРЛАГ, с предписанием «взять на особый учет».

Отправили в ссылку на три года в Сибирь. Работа была там тяжелой, пища скудная...

В 1938 году отец Серафим освободился из заключения. «Кругом не было ни одного храма, – писал он в своем дневнике. – Жить скучно... Но на все воля Божия». Скинулся, как индий, пребывав в тяжелых условиях, скорбных обстоятельствах, был в презрении окружающих и своих родных – много всего пришлось ему испытать. Проводя такую жизнь, отец Серафим начал подумывать, что лучше уж, наверно, остаться бы ему там, где был прежде, т.е. в заключении. Заснул он как-то в таких скорбных мыслях и видит сон: «Я оказался в поле, покосом поспевавшим хлебом, – записал позже в дневнике об этом знаменательном сне отец Серафим. – Не могу припомнить – рожь или пшеница. И нужно мне

было идти мимо сего поля по дороге. Вдруг вижу: навстречу идет подвода – лошади с повозкой и два каких-то начальника. Они остановили меня. Я испугался. Один из них говорит другому: «Вот он! Его нужно опять везти туда, где был». А другой отвечает: «Нет, не нужно, пусть он будет здесь, потому что хлеб уже поспевает, а убирать его нельзя». Тут я проснулся от сна в сильной тревоге. Я очень испугался... Это было летом 39 года».

Тем же летом с ним произошло еще одно событие, о котором батюшка также оставил запись в дневнике: «В августе месяце 39 г. мы пошли навестить заключенных. И тут же по пути посетили старенькую монахиню, принесла для нас Святые Дары».

На обратном пути на перекрестке дорог невиданная сила задерживала нас, не давая идти дальше. Нас было трое. Одна говорит: «Нужно идти прямо». Другая возражает: «Нет, пойдемте вправо». Мы друг другу противоречили. Вдруг подошла к нам женщина и спрашивает: «Что вы здесь стоите? Не знаете, по какой дороге вам идти? Дорогие мои, идите вправо – все будет хорошо, вас встретят». По совету этой женщины мы пошли направо. Дорога была хорошая, приветливая. Пройдя километров 15 по лесу, мы увидели церковь и красивое селение. По улицам которого протекала река. Мы пошли берегом реки и, зайдя в стоящую на берегу маленькую хатенку, спросили разрешения попить. Оказалось, что в этой хатке живут две старушки, которые в тот момент были заняты своей домашней работой. Одной из них – около 90 лет, а второй – 65. В просианном нам не отказали. Старшая смотрит на нас и говорит: «Это странники». Мы отвечаем ей: «Нет, мы к родным в тюрьму носили передачку и по пути зашли попить у вас попить». Она продолжает: «Это хорошо, но вид ваш странствующий, – мы были босяком, в простой бедной одежде. – Молодой человек, я хочу у тебя спросить: есть ли где церковь и священники? Я отвечаю ей: «В Москве есть. Возможно, еще где-либо есть. Про свободных священников я не знаю, есть ли они сейчас где-нибудь – все скрыто». Вторая говорит: «Зачем ты, маманя, спрашиваешь молодого человека о том? Она отвечает: «За-

молчи, Марфуша, я не с тобою говорю. Спрашиваю его – он должен знать: где-то есть священники. Мне было сказано: «Анушка, не скорби, к тебе придет священник со Святыми Таянами и приобриет тебя», – вот я и говорю ему о том. Я вторично отказываюсь, что не знаю ни одного из батюшек. Она отвечает: «Дорогой мой, ведь я была два раза в святом Иерусалиме... Как мне хочется принять Святых Таян! Боюсь, умру без покаяния...», – и много-много говорила она полезного. Потом оставила свою домашнюю работу и обратилась к своей послушнице: «Напол их чаем. Они должны остаться на ночлег». Мы не хотели оставаться, но она упростила нас. Утром следующего дня она говорит своей послушнице: «Марфа, покорми их рыбкой, которую я сама на удочку наловила, и напол чаем», – а сама пошла на реку за рыбой. Вставши из-за стола, мы отблагодарили их за теплое приветствие, отслужив литию по их родителям. Младшая говорит старшей: «Маманя, гляди, что есть – это священник у нас!» И старшая, упавши нам в ноги, говорит: «С тобою тут Христос. Надутствуйте меня, ведь мне было сказано: «Анушка, не скорби – получишь желаемое». И я, недовольнейший неромонах, по ее искреннему желанию на следующее утро причастил их – они со своими близкими сподобились принять Святые Таяны. А мы, с благодарением ко Господу, что Он, Всемилостивейший наш Искупитель, исполняет желания своих истинных рабов, отошли восвою с радостью, что Господь не лишил своей любви, ведь все это было указание, чтоб мы не отчаявались, истинно веровали в Промысл Божий – пути Его непостижимы. Благодарим Господа. Аминь».

Но жить отцу Серафиму все же было очень тяжело. Все время приходилось опасаться властей: монашествующих и священников в то время сильно преследовали.

В 1941 году умер отец батюшки Серафима. Рискуя снова попасть в тюрьму, батюшка приходил на его похороны...

Возвратился и дневниковым записям: «Было начало войны. В июне месяце 41 г. мы с двумя спутниками пошли навестить старую монахиню и ее семейство. Поговорив несколько дней, мы отпра-

лись в обратную дорогу. Дойдя до знакомых, мы остались на ночлег. Ночью я стал размышлять, как быть дальше, что делать. И вижу в сонном видении в воздухе надписи: «Обитая в тайне», – после этого отец Серафим ушел в астер. Жил он у матери Акилины в селе Курлани. Там, в маленькой хатенке, лишь одна молитва занимала батюшку – он молился за себя, за всех родных, знакомых и за мир...

Часто приходил навшу дьявол, укоряя батюшку за то, что он мо-

Отец Серафим в годы скитания

лит за людей, которые при жизни служили сатане. Бесы грозили батюшке, хотели прогнать его из затвора, даже мать Акилина восстала против него... Отцу Серафиму пришлось перейти в другое место.

Во время после разгона монастырей большинство монашествующих спасались в миру. Знакомые отцу Серафиму монахи Панеиза и Мефодий начали исцелять его убежище. В Больших Исырках жила вдова местного председателя, Ирина Ивановна – к ней и послали селение ищущих приют монахинь. Муж Ирины при жизни был безбожник, раскулачивал селян. Но сама Ирина Ивановна была женщиной верующей. Она приютила матушек. Ночами тайно под полом хаты послушницами схимонахини Михайлы был выкопан и обустроен небольшой гробок, в котором и поселился отец Серафим. К нему приходили, чаще всего под вечер, духовные чада, батюшка служил литургию.

Но кто-то из соседей донес властям, что у Ирины происходит что-то «неладное», и к ней стали часто-часто невиданно навещать.
«Не знаю. Не видела. Никто не приходил. Никаких попов», — отвечала она. Однажды ночью, когда батюшка совершал службу, в доме находилось еще несколько старейших матушек. Вдруг кто-то сильно застучал в дверь. Батюшка спрыгнул в подполье, а матушки расстелили на полу коврики, легли на них и сделали вид, будто спят. Хозяйка побежала открывать. Зашел представитель власти:

— Так! Что здесь такое?!
— Да это ко мне бабушки приехали — проведать меня...
— Откуда эти бабушки?!
Они сказали.

— А это что у тебя?! — спрятав батюшку, матушки впопыхах не заметили его ризу — она осталась лежать на самом видном месте! Но Ирина тут же нашла:

— О, да вы что — не знали моего? Он ведь ходил, громял все. А я вот риза набрала — теперь распарываю да детискам на платья перешиваю... — благодаря заступничеству Божией Матери и находчивости хозяйки в ту ночь никого не тронули.

Утром отец Серафим подошел к иконе Матери Божией и стал благодарить Ее. Вдруг образ ожил, и батюшка наяву увидел Царицу Небесную. Которая сказала ему: «Не спорбит, отец Серафим, Я всегда с тобой».

Иногда, чтобы подышать свежим воздухом, не привлекая лишнего внимания, батюшка надевала женскую юбку, платок и так выходила на улицу — валаз на завалинке чулки или тизал огород. Однажды кому-то из чад местных председателей сказал: «Вот вы его пригчете, в женскую одежду одеваете, а фигура-то мужская!» — но властям не донес.

Потом отец Серафим стал ночью ходить в Пады, служил там у знакомых монахинь — у матушки Александры, которая впоследствии стала схимонахиней Кукушей, и у матушки Пелагии. Ходил и в другие села за 10 и более километров — проводывал чад, служил у них литургию. Рассказывают, что раба Божия Евдокия оставила ему в камышках корыто (на лодке было бы слишком заметно), и батюшка под покровом сумерек переплыл к ней на другой берег,

служил ночью в ее доме, а под утро, переплыв на том же корыте обратно, отправлялся к себе. Иногда он навещал матушку Михайлу, жившую в Талинском Чамлыке, и других старцев и старцев, с которыми был в тесной духовной дружбе. Ходил он в основном ночью — зимой и летом. «Бураны, снег, а он ходил, — вспоминали много лет спустя духовные чада. — Шел то полем, то вдоль речки...».

Однажды батюшка Серафим со своей будущей келейницей — матерью Паисией отправились к старцу Иоанну³. Старец, беседуя с батюшкой Серафимом, сказал: «Мантия пошла в мир. Иди, набирай духовных чад». Когда батюшка вышел от старца и передал эти слова мать Паисии, та упала от страха: она была монастырская матушка и вела строгую жизнь — она не могла вместить того, что «мантия пошла в мир», не понимала, как это можно — спастись в миру?! Впоследствии мать Паисия находилась все время при батюшке в селе Ячейка, где пекла просфоры и пела на клиросе.

Пришло время — и батюшка вышел из затвора. За него молилась матушка Серафима (Мичуринская) и отец Иоанн — оба высокой жизни старцы. По их молитвам Господь и послал добрых людей — рабов Божиих Параскеву и Гавриила из Воронежа, которых все звали просто Паша и Гаврюша. Они прописали батюшку у себя. Благодаря этому появилась возможность сделать батюшке документы. Отец Серафим пошел пешком в Мичуринск к матушке Серафиме. Промел где-то 50 километров. Ноги в кровь растер... Шел острожно, ведь паспорта у него пока не было. Кирилл Петрович, матушкин муж, принес ведро воды, а матушка Серафима поставила на ведро свечу, потом бросила ее в ведро и сказала: «Свеча должна светить всем, а не лежать под спудом».

³ В народе почитается, как блаженный Иоанн. О нем ничего неизвестно, кроме того, что похоронен он на одном кладбище вместе со схименом Митрофаном — в с. Михайловка Папенского р-на Воронежской обл. (прим. ред.)

дом». После этого стала угощать батюшку, а потом достала какую-то книгу и пронесла: «Вот твои документы», — на следующий день

Молодой Серафим в годы затвора

по матушкиным молитвам батюшке удалось, наконец, сделать паспорт. Это было в 1949 году.

Отец Серафим очень благодарил Пашу и Гаврюшу за помощь. Однажды он пообещал посетить их. Те от радости купили кошечную рыбку, чтобы было чем угостить дорогого батюшку. Но случилось так, что кот потихоньку стянул рыбку и обгрыз ее. Кота побили и выбросили за калитку, а батюшка пришел и говорит: «Паша, зачем побила кот и выбросила за калитку? А ведь селедку мы бы съели и обгрызенную!»

По просьбе матушки Серафимы Николай Овчинников — знаменитый хирург, доцент, ставший впоследствии священником и схимником — устроил батюшку сторожем на областную станцию переливания крови, где работал плавирчом.

Чтобы не вызывать подозрений, он часто нарочно ругал батюшку при людях — то за одно, то за другое. А вечером приходил в сторожку и палал отцу Серафиму в ноги: «Батюшка, прости!» — хоть батюшка и знал, конечно, что ругает его плавирч «для отвода глаз».

Через Николая Овчинникова по отцу Серафиму узнал владыка Иосиф² и дал ему приход в селе Хохлы. Оттуда батюшка писал Паше и Гаврише: «Встретили прихожане хорошо, ждали меня. Дали одну комнату, но просторную. Все хорошо. Я сыт». В Хохлах он проляж совсем мало. Вскоре батюшку перевели в церковь Михаила Архангела в селе Ячейна, где он и прослужил 11 лет.

В Ячейку стевалось очень много народа. Все, кому повсчастливилось побывать на батюшких службах, отмечают присутствие необычно-

венной благодати. Радость, умиление наполняли душу. А как там пели! У батюшки было два хора. Левый состоял исключительно из монашествующих. Раба Божия Александар, побывав на батюшкской службе, рассказывала после:

«... Началась осенняя. Запели «Благослови, душе моя, Господа». Я не знала, на земле я или на Небе. И до сих пор это в моей душе. Сколько живу – не слышала, чтобы так пели, такого благодатного состояния я нигде больше не получала!

Когда отец Серафим служил в Ячейке, то народу приезжало и приходило чрезвычайно много, особенно на большие праздники. Было

очень торжественно. Помню, перед осенней в честь преподобного Серафима Саровского – дня Ангела батюшки – отец Серафим вышел на келья, чтобы идти в церковь, а все выстроились в два ряда от кельи батюшки до самого храма, образовав живой коридор, и закрили: «Вьется речка Сарова в пустыне, где отец Серафим обитал...». Певчие так подобрались на диво. Это было так умилятельно! Из кельи батюшка вышел собранный, строгий, в расе, с посохом. А тут все рыдают – смогро; и он идет весь в слезах. А как хорошо было на сердце – хоть бы минуточку теперь вернуть...

² Архиепископ Иосиф (Ореков)

(Продолжение следует)

Из писем схиигумена Митрофана...

Благословен Грядый во Имя Господне!

Слава Богу! Должны до торжественных праздников, которые невольно заставили нас подумать о приближающихся воспоминаниях вольных страданий Господа нашего Иисуса Христа. Говорится в Святом Евангелии (Мф. 21, 10): *Когда вошел Он (Христос) в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей?*

Дорогие мои родные, когда Господь вошел в город, то весь город был в торжественной виде. Как не торжествовать, как не радоваться нашей уснувшей душе, когда мы принимаем Святое Причащение, радуемся вместе тут же душа и тело. Но долго ли бывает эта радость в нас? Нет, она быстро уходит и оставляет нас. И мы при соединении с Господом торествуем, подобно тому же еврейскому народу, который при входе Господнем в город радовался и торжественно кричал: «*Осанна Сыну Давидову, благословен Грядый во имя Господне!*» Но вот новая скорбь. Не прошло и суток, как те же евреи закричали уже не тем радостным воззванием, а грубым свирепым зовом. Почаству бывает это с нами: вместо благодарности делаемся неблагодарными.

Родные мои, чувствую и вижу из письма вашу невыразимую душевную скорбь при наступающих глубоко воспоминательных событиях из жизни Господа нашего Иисуса Христа. Не легко это вам пережить. Но что сделаешь? Не в нашей это власти, а все это свыше. Как нам хочаться – ничего не приходило по нашей желанию.

Дорогие мои, видно еще не пришел тот час, когда мы от избытка сердца скажем: здесь нас соблагодать Святого Духа. Нужно подготовиться к тем предметам, которые еще не проходили в жизни сей. Это есть, как ученики из одного класса переходят в следующий с хорошими отметками, а мы еще, вероятно, с вами испытаны последние четверти года не выучили. Посему следует с терпением взяться за последние предметы и сдать экзамен на отлично, то есть прилипнуть к истинному Источнику Жизни, Божественной Его любви. Тогда только мы познаем, чего и каких предметов не доставало у нас в душе. А от Божественной любви у нас возрастет благо Божие, посему и пишется в исламе 153,9: *искусите, яко благ Господь. Приобретайте терпение, а в терпении вашем стяжете души ваши.*

Не скорбите, Господь будет в помощь, а сила Божия в немощах совершается. Будем ожидать милости от Господа свыше. Хотелось мне разделить радость, но еще не пришел тот день, который мог бы утешить нас. Но милость Господня не оставит нас ачущими в сей земной юдолии плача.

Благодарю вас, дорогие мои, за ваше глубочувствительное сердце, которое осталось у меня в глубокой незабвенной памяти, очень остаюсь за все благодарен. Желая вам от Господа наилучших пожеланий душевных и телесных. Призываю на вас Божие благословение, да забывши нас Господь от всех зоп. Остаюсь за ваши воспоминаниями помнящий вас нерадивый И. С.

Чтобы ребенок не был трудным

Татьяна Львовна Шишова, психолог, член Союза писателей России, автор множества статей и книг по вопросам психологии, педагогики, воспитания, а также сказок и пьес для детей.

Новая книга «Чтобы ребенок не был трудным» родилась как из родительского опыта автора, так и из опыта психологических занятий с «трудными» детьми. Предлагаем отрывки из этой книги.

...Недавно довелось видеть такую картину. После вечерней службы народ разошелся по домам, лишь несколько человек стояли в очереди на исповедь. Среди них была молодая женщина с мальчиком лет шести. Во время службы он с другими ребятами играл во дворе, а когда сверстники ушли, принялся веселить себя сам: подбрасывал и ловил плюшевого мишку. Забава вообще-то невинная, если абстрагироваться от того, что находится он по храму, причем амплитуда полетов игрушки и пробжек мальчика постепенно увеличивались, а смех становился все громче.

Люди переглаживались, но замечаний никто не делал: мать на поведение сына не реагировала, а чужим вмешиваться было неловко. Наконец, не выдержал батюшка. Он слегка пожурил мальчика и забрал игрушку, пообещав отдать, когда тот пойдет домой.

Потом накрыл епитрахилью женщину, стоявшую у аналоя, и пощипывал мать ребенка. Вы думаете, мальчишка успокоился и дождался конца исповеди, благо та длилась совсем недолго? Совсем нет. Он вертелся возле аналоя, норовя вырвать мишку из руки священника. А мама и тут вела себя так, будто ничего не происходит! Впрочем, с точки зрения «свободной педагогики», принципов которой она явно придерживалась, ничего страшного действительно не происходило. Сын же не с кулаками на батюшку кинулся, да и погрома в храме не учинил. А право на самовыражение есть у каждого человека...

Через несколько дней я принялась наводить порядок на книжных полках и обнаружилась старая

отрывной календарь с несколькими сохранившимися листками. Рассеянно проглядела один, другой, третий – и вдруг наткнулась на поучения святителя Иоанна Златоуста: «Некоторые из родителей совершенно пренебрегают воспитанием детей в раннем возрасте. Сделав ребенок дурное дело, неразумный родитель говорит: «Ничего, еще ребенок не смыслил, вырастет – не станет этого делать». И растет этот ребенок, как яблоня в лесу. Отведаете плода от этой яблони и не возрадуетесь, так он горек... Раннее худое поведение переходит в привычку – и становится он негодным членом общества, горем для своих родителей, бременем и соблазном для многих.

Своеволие: слон ли воля?

В последние годы резко возросли жалобы родителей на детское своеволие. То и дело приходится слышать:

– Наш ребенок совершенно неуправляемый. Ему все ничего, ничего на него не действует.

Разгадка родительской беспомощности, на мой взгляд, коренится в двух обстоятельствах. Во-первых, своеволие часто путают со свободой, независимостью, раскрепощенностью. В жалобах взрослых на неуправляемость ребенка нередко звучит потаенная гордость: вот, дескать, какой он у меня свободолобный! Не то, что мы... Мы росли зажатými, затюканными и теперь выжужжены выдавливать из себя раба по капле. А наши дети другие, они с календою ощущают себя уникальными, неповторимыми, свободными личностями.

Подчас доходит до полного безобразия: пятилетний «свободолюб» откровенно хамит спящей женщине, сделавшей ему справедливое замечание, а мать стоит рядом и млеет от его «раскованности».

Ну и, во-вторых, взрослые просто-напросто идут по пути наименьшего сопротивления. А значит, не особенно отличаются в этом от своих сыновей и дочек. Их ребенку легче закатить скандал, чем убрать игрушки, а им легче «связываться», не проявляя необходимого в данном случае твердость. Иными словами, родителям тоже не хватает положительного потенциала и настоящей, взрослой самостоятельности. Они тоже снимают ответственность с себя и перекладывают ее на чужие плечи: на педагогов, психологов, врачей, милиционеров.

Недавно ко мне пришла на консультацию молодая женщина с сыном-дошкольником. Никаких серьезных психических отклонений у мальчика не было, но избалованность его уже успела страшно. Настолько, что неуклюжему человеку он мог даже показаться не вполне нормальным. В последнее время своеволие ребенка начало переходить все допустимые границы, и мать забеспокоилась. Однако, когда речь зашла о том, что поведение сына надо ввести хоть в какие-то рамки, неожиданно категорично заявила, что она это сделать не в состоянии; и характер у нее чересчур мягкий, и убеждения не позволяют.

– Но ведь очень опасно пускать все на самотек, – возразила lady. –

Если он сейчас не признает никаких авторитетов, что будет в подростковом возрасте? Мальчик и из дому уйти может, и с наркоманами связаться...

- Да я насколько не сомневаюсь в том, что он попробует наркотики! - покала плечами мать. - И НИЧЕГО МЫ С ЭТИМ НЕ ПОДЕЛАЕМ. Лишь бы не приваля...

Ну что тут скажешь?

Чтобы это когда тебя воинуют

- А как же все-таки приучить ребенка к самостоятельности? - спрашивает вы.

Прежде всего необходимо поставить себя на его место и понять, почему он бунтует, отказываясь выполнять требования взрослых.

Может, это попытка хоть как-то проявить свое «я»? Ведь очень часто, жалуюсь на своеволие детей, родители (обычно матери) следуют за ними по пятам и в буквальном смысле слова не дают бедолагам без спросу ступить ни шагу.

Ребенок, зажатый в тиски родительской опеки, естественно, воспринимает инструкции взрослых как очередное посягательство на свою свободу и норовит уклониться от их выполнения.

Так что нужно бороться с гиперопекой, сильно сократить количество замечаний, предоставить сыну или дочери больший простор для провала своего «я», и тогда многое станет на свои места.

Сравнительно недавно к нам на занятия привели шестилетнего мальчика. Мама жаловалась на зашкаливающее своеволие, демонстративность, вспышки агрессии. На занятиях же Коля вел себя послушно, с огромным удовольствием выполнял наши просьбы и задания, жаждал всем услужить: поднимал упавшие игрушки, помогал расставить стулья, уступал девочкам свою очередь. Дети такого возраста еще не подпитались в искусстве лицемерия. Да и потом, на занятиях ребенок быстро раскрывается и становится видно, какой он на самом деле. Тем более, если в его характере действительно присутствует своеволие. Тут и жалеть-то ничего не надо, все сразу проясняется. В детском саду и в школе, куда ходил мальчик, тоже, как выяснилось, и ему не предьявляли претензий.

Поэтому мы предположили, что Колю своеволие является реакцией на травмирующую семейную ситуацию. И начали в ней разбираться.

Когда у ребенка много родственников, он не чувствует себя одиноким в мире, его окружают любовью и заботой. Но если все эти родственники чересчур активны, и почти все их активность направлена на одного единственного ребенка, они могут задушить его в своих объятиях. Как, собственно, и происходило в случае с Колей (естественно, в переносном смысле). Взрослые не давали ему

спокойно ступить ни шагу, постоянно давали инструкции, советы, одергивали, поучали, отчитывали. Делали они это из лучших побуждений, но мальчик начинал задыхаться и терять самообладание. Ему просто не хватало в семье жизненного пространства. Надо еще добавить, что мальчик был на редкость разумный, и ему практически никаких замечаний делать не приходилось, он и так все понимал с полуслова. В семье же его держали за несмышлякша. Когда родные начали следовать за собой, воздерживаться от излишней опеки и прислушиваться к мнению мальчика, его своеволие вдруг куда-то испарилось.

Часто детская безответственность проистекает и от... страха родительской не любви. Иди «вразнос», ребенок стремится привлечь к себе внимание взрослых. Хотя взрослым может казаться, что они только им и занимаются. И очень может быть, что так оно и есть, но

непослушный ребенок раздражает их своими выходками. А значит, внимание, которое они ему уделяют, носит сугубо отрицательный характер. Ребенку же необходимыми положительными эмоциями, чтобы поведение его начало налаживаться. Снова создается порочный круг, и размыкать его опять-таки необходимо взрослым.

Как важно быть последовательным

Жалуюсь на детское своеволие, многие взрослые произносят весьма характерную фразу:

- Что мы только не делали! Отец даже ремнем его [ее] ПЫТАЛСЯ отхлестать - все без толку.

Здесь очень симптоматично слово «пытался». Как правило, родители своевольного ребенка мечутся из крайности в крайность, судорожно пробуют применить к нему те или иные воспитательные меры, но потом начинают его жалеть и смигзывать наказание. Им хочется верить, что он поймет и оценит их благородство. А он извлекает совсем другой урок.

Если немного покарпачивать или закатить скандал, - думает ребенок, - они сдадутся и сделают по моему.

Поэтому непоследовательность родителей приведет к вполне предсказуемому результату: ребенок в борьбе укрепитесь и в следующий раз сможет еще дальше «выдержать характер». Если такое происходит часто, у него складывается определенный стереотип отношений с родителями. А у них создается впечатление, что он абсолютно негибим.

Но ведь это совсем не так! Своерывные дети на поверку бывают гораздо зависимее от взрослых, чем их более покладистые сверстники. У них обычно масса просьб и желаний, т.е. рычагов воздействия на своевольных детей предостаточно. Мало ли что они демонстрируют свое равнодушие в ответ на угрозу лишиться их каких-либо благ? Они вообще очень много делают в расчете на то, что окружающие примут их демонстрации за чистую монету. Если хочешь воздействовать на такого ребенка, ни в коем случае не поддавайся на его уловки.

Опорочивая детское своеволие, совершенно необходимо прояв-

лать последовательность. Иначе ничего не добьешься.

Как и для любого другого ребенка, самое страшное наказание тут – лишение общения. И к нему следует прибегать в крайнем случае, когда другие меры уже исчерпаны.

– Что ж мне погода с ним не разговаривать? – нередко спрашивают матери.

Нет, конечно. Для дошкольника обычно хватает и дня.

– А как же еда, уроки, уборка игрушек? Если с ним не разговаривать, он ничего и делать не будет. – волнуются мамы.

Будет, когда поймет, что это не пустые угрозы. А если он пару раз не пообедает или опоздает в школу, ничего страшного. Очень полезно на собственном опыте, а не только со слов родителей, узнать, какие последствия бывают от дурных поступков. И чем раньше, тем лучше. Ведь с возрастом последствия становятся все более тяжелыми. Хуже будет, если впервые своевольный ребенок что-то поймет только в колонии или в операционной.

Посильность требований

Кроме того, ваши требования должны быть посильными.

Безмысленно говорить самому семикласснику, даже самому отвлеченному прогульщику: «Иди, устраивайся в другую школу!» Это он дома и во дворе «крутой», а прийти к незнакому взрослому, да еще с дневником, испещренным замечаниями, ему, конечно же, страшно.

Компромисс, но без авансов

Ну и, конечно, нужно прийти к разумному компромиссу. В чем, по мнению взрослых, обычно должна проявляться детская самостоятельность? В том, что дети без посторонней помощи готовят уроки, складывают в портфель тетради и учебники, убирают свою комнату...

А как представляют себе самостоятельную жизнь дети? Можно сколько хочешь гулять, без ограничения смотреть телевизор, играть на компьютере... короче, без удержу развлекаться. Иначе говоря, в представлении взрослых самостоятельность – это сплошные обязанности, а по мнению детей – максимально широкие права. И требовать от них, чтобы они наслаждались этими довольно скудными заботами, по меньшей мере нивно.

Но сбалансировать права и обязанности можно. Ты считаешь себя большим и хочешь полежать спясть? Пожалуйста, только у взрослеющего человека появляются новые обязанности по дому. Что ты предпочитаешь: мыть каждый день посуду, ходить за хлебом или пылесосить квартиру по выходным? (Очень важно предоставлять своевольному ребенку возможность выбора, однако в заданных вами рамках. Тогда он будет двигаться в нужном вам направлении, сохраняя при этом свое лицо.)

Надо показывать и на личном примере, и на примере окружающих, что свобода взрослых людей напрямую связана с большим ко-

личеством обязанностей. Да, взрослые могут ходить куда хотят, покупать что хотят, смотреть что хотят, но при этом их обязанность – зарабатывать деньги, делать очень много вещей, которые им делать не нравятся или трудны, и проч., и проч.

Имея дело со своевольным ребенком, крайне опасно расширять его права, не расширяя обязанностей. Если он привыкает к пониманию свободы как волюнтаризма (что хочу, то и ворочу), с ним потом будет нелегко совладать.

Очень часто своевольные дети не выполняют своих обещаний. И родители опыты-таки записывают их в «несовитуме».

Между тем всего-навсего надо воздержаться от авансов.

Ваш сын пообещал сесть за уроки, если вы ему разрешите посмотреть телевизор, а когда фильм закончился, заявил, что уроками займется завтра? Что ж, пусть в другой раз телевизор будет ему наградой только за ПРИГОТОВЛЕННОЕ задание. И никаких поблажек! Не бойтесь, что он заткнет истерикой или «рванесет» квартиру. Истерикой вполне можно перепугать, а за битые посуду или крушение мебели должно неотвратимо следовать суровое наказание. Тут про свой мигркий характер лучше на время позабыть. Иначе у всех, в том числе у самого ребенка, может сложиться впечатление, что он действительно несовитуме.

Чтобы ребенок не был трудным. – М.: «Лепта-Пресс»

жизни преподобного Парфения Киевского мы встречаем следующий его рассказ о своей жизни в Киево-Печерской лавре еще до монашеского пострига.

«В начале моего просфорного послушания случилось мне однажды наслушаться несколько прадных бесед между наемными работниками монастыря, и в сумерки, когда прилеж я отдохнуть, взбрело на мысль мне слышанное. А я еще был неуксусен, не отогнал этой мысли, остановился на ней, и, наконец, думаю: да как это люди грешат, что же за приятность в грехе плотском? Далее и далее эта мысль

О ТЕЛЕВИЗОРЕ

«Придет время, когда в жилища проникнут бесы под видом небольшой коробки, а их рожа будут торчать на крышах.»

Святой Косма Эталос (XVIII в.)

начинает занимать меня; никак уж и не отважусь от нее. Вдруг стучат в дверь и зовут меня на послушание. Я пошел немедля; принялся по обычаю за дело от всей души и с молитвою – и помыслил, меня занимавшие, исцели совершенно,

так что я и забыл о них. Протрудившись до полуночи, совершил я обычное правило и уснул.

Рано утром меня зовут к наместнику. Когда я пришел к нему, он повел меня в кабинет и говорит: «Сажай меня, Петр, как бы отду-

ховному, не согрешил ли ты в чем-либо особенно? Я смутился, думаю, перебираю в мыслях прошедшее и ничего не нахожу. «Нет, – говорю, – не знаю ничего, кажется, в чем бы укорила меня совесть», – «Подумай, – говорит он, – непугай себя хоршенько!». Опыт думаю: нет, ничего не припоминаю.

Тогда он говорит мне: «Ну что-нибудь да есть. Я видел ныне во сне, будто стою в великой церкви против местной иконы Пресвятой Богородицы. Близ ее по сторонам святой апостол Петр и преподобный Антоний. Ты входяшь в церковь, подходишь к иконе, клadeшь поклон. Пресвятая Владычица, как бы живая, отворачивает от тебя лицо. Ты заходишь с другой стороны. Она опять отворачивается от тебя. Ты остановился пред Нею в смущении. Тогда преподобный Антоний и говорит тебе своею мантией и говорит вместе со святым апостолом Петром: «Пресвятая Владычице, прости его, он погрешил в неведении, мы Тебе за него поручаемся». – «Если вы за него поручаетесь, – говорит Пресвятая Дева, – Я прошою его вас ради!». С этими словами Она обратила к тебе лицо, а я пробудился. «Подумай же еще; если ты не согрешил делом, то не помыслил ли чего беззастенчивого?» Тогда и вдруг как бы озарился светом, вспомнил смущавшие меня помыслы и исповедал их наместнику».

«Этот случай, – прибавлял он к своему рассказу, – указал мне, до какой степени должно хранить себя даже от приближения к нечистым помыслам, и как тщательно должны мы блюсти чистоту не только телесную, но и умственную, – если Пресвятая Владычица отворачивается от нас и за помыслами о чуждых грехопадениях! Вот что значит: от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего».

Что я говорить о тех, которые не по неопытности своей случайно увлеклись помыслами о чуждых грехопадениях, а с великим удовольствием часами просиживают за телевизором в рассматривании их. Ибо что иное показывает телевизор, как не разного рода грехи других людей.

«Когда ты войдешь в театр и сидишь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом вос-

пламенишь в себе сильный огонь. Когда видишь женщин, являющихся полубоженными, когда зришице и песни не что иное выражают, как только одну преступную любовь, как только скажи мне, можешь ты после сего быть целомудренным?» – говорит святитель Иоанн Златоуст в 5-й беседе на 1-е послание к Солуныям. Не подоб-

Войброс из дома твоего маскарerade картины, которые соблазняют, развлекают и расслабляют плоть твою; а наши они подвиги и победы Христовой над врагами нашими знаменья, которые союдадут душу твою. Из них всего добра учеться будешь.

Святитель Тихон Задонский

ним ли безстыдством наполнены все фильмы, концерты, программы (даже многие спортивные)? Если после этого ты и сумел часть сохранить в чистоте, то что пользы от того, когда лучшая часть человека – душа – оквернена? Что пользы от того, что церковная ограда в целости, когда храм разрушен? Иисус Христос называл нескромный взгляд прелюбодеянием (см. Мф. 5, 28).

В одном монастыре умерла девица 18 лет, которую все в обители любили за чистоту жизни. Игуменья наложила на себя пост и 40 дней молилась, чтобы узнать в какие обители рал вселась ее душа. Но пред игуменней разверзлась земля и в огненной лаве показалась душа девицы. «Дочь моя, ты в аду? Чем же ты согрешила?» «Хотя я сохранила тело в чистоте, но в мыслях улаждалась красотою одного юноши, допускала греховные мысли и стыдилась исповедовать их духовнику, за что теперь буду вечно мучиться», – ответила несчастная и земля сомкнулась.

Именно так же погубляют свои души и любители телевизора.

В древности профессия артистов не пользовалась общественным уважением. Взявший себе в жену блудницу или артистку, согласно 18-му правилу святых апостолов, не может быть священнослужителем. Артистов называли позорищниками. Не только безстыдство, но и лицемерие артистов, играющих разные роли, осуждается Святой Церковью. Но у нынешнего поколения артисты стали кумирами. О чем другом это свидетельствует, как не о нашей нравственной деградации?

У нас на молитву, чтение Священного Писания, Закона Божьего, житий и творений святых, на посещение больных, заключенных в темницы и иные добрые дела нет времени, но зато без телевизора мы не можем себе представить и дня. Что скажем мы на Страшном Суде? «У нас не было времени изучать Закон Божий и творить Евангельские дела, потому что мы смотрели телевизор?» К родным и близким мы невнимательны, равнодушны, но за героев телесериалов переживаем и дома, и на работе. Своей семьей и квартирой мы недовольны, ведь в мечтах комфортная жизнь иногородев. И в самой жизни мы становимся артистами: вместо искренности, сердечности, простоты в общении начинаем играть разные роли, в зависимости от компании? Но какие роли стали любимыми? Любовниц и гангстеров. Ведь телевизор в наших глазах поднял престиж блудниц и убийц, и теперь для многих школьников их жизнь – мечта.

Святой Игнатий Бринчичанов, живший в прошлом веке, пишет, что еще в начале XIX века большинство грамотных людей на Руси читали жития Священного Писания и жития святых. Они были чисты и душой и телом. Но в конце века в моду вошло чтение романов. Ум, ослабленный, помраченный, развращенный, плененный мыслями, сообщенными чтением, не имел силы руководить волею и удерживать от греховного стремления. Нравы к наслаждению сладострастием постоянно отвлекал их от чувства покаяния, поврежденные воля влекла их стать любовниками и любовницами. Особенно это было замечено у женщин. Со-

всем этим святитель Игнатий столкнулся на исповеди. Стоит ли еще говорить о горадо сильнейшем повреждении людей телевидением? Конечно, Бог всемогущ и может исцелить и такие души, но сколько этим несчастным людям предстоит приложить своих усилий, трудов, слез, чтобы удерживать себя от греховных влечений и привлечь к себе искренним покаянием благодать Божию.

У любителя телевизора нет возможности задаться серьезными вопросами о смысле жизни: «Кто и? Откуда явился человек? Что будет с нами после смерти и как нужно прожить жизнь?» Ему приятнее провести время в просмотре кинокомедии или юмористической передачи. Но «горе вам, смеющимся ныне! ибо восплачете и возрадуете» (Лк. 6, 25).

Те крупицы познаний, которые можно вынуть из современных телепередач, ничтожны по сравнению с остальным вредом от них. Принесет ли пользу организму та почта, которая отравлена адом? Тоно так же и информация, являющаяся пищей для ума. Кроме того, черпая знания из книг, человек учится логически мыслить, тренирует свою память. Из телевизора же он усваивает информа-

цию в готовом виде, как раз именно в том, в каком кое-кому нужно. Люди, наблюдая по телевизору калейдоскоп событий, не видят самого главного – что мир стремительно летит к своему концу.

Об этом со слезами пророчествовал преподобный Лаврентий Черниговский: «На святом месте будет стоять мерзость запустения и покажутся сверхних обольстителей мира, и они будут обманывать людей, отступивших от Бога, и творить ложные чудеса. И после них явится антихрист и весь мир увидит его одновременно». Отцы спросили Святого: «Где, на святом месте? В церкви?» Преподобный ответил: «Не в церкви, а в каждом доме. В углу, где стоят и висят сейчас святые иконы, будут стоять обольстительные приборы для прельщения людей. Многие скажут: «Нам нужно смотреть и слушать новости. Вот в новостях и явится антихрист». Апостол любил святой Иоанн Богослов учит: «Всякий, престаупающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца и Сына. Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо привет-

ствующий его участвует в злых делах его» (2 Им. 1, 9-11). Мы же, внося в дом телевизора, вводим вместе с ним и множество еретиков, язвничков, богототупников, людей более чем сомнительного поведения, безстыдных женщин, блудниц, пьяниц, наркоманов и убийц. И это грехолюбивое сборище делаем своими любимыми собеседниками. Но древняя мудрость говорит: «Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты». Не случайно в такие дома заселяются бесы, и многие из любителей телевизора становятся одержимыми нечестными духами.

«Какое обитие правды с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и вельтаром?... Ибо вы храм Бога живого, как сказал Бог: вселюбя в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистоте; и Я прииму вас» (2 Кор. 6, 14-18).

Каждый вправе сам себе избрать путь. Но с кем мы в общении в этой жизни? С кем будем в будущей? С Богом ли наследуем вечное блаженство или...

«ПОЧАЕВСКИЙ ЛИСТОК»

коло 420 г. великий Фиваидский старец ава Даниял, настоятель одного из подвижнических ситов, обходил со своим учеником Фиваидские пустыни с целью посетить их насельников.

Солнце уже склонялось к западу, когда путники достигли Гермополя, на восточном берегу Нила.

Недалеке, на живописных холмах, под сенью широколиственных пальм и гордых кипарисов возмался монастырь, весь залитый теперь золотистым сиянием лучей заходящего солнца.

В этой обители подвизалось до трехсот иноков.

– Пойдн в этот монастырь, – сказал старец своему ученику, – и передай игуменни, что я желаю посетить их.

Ученик постучал у обители.

ВЗВЫШАЮЩАЯ ПОДВИЖНИЦА

– Кто там? – послышался голос привратника.

– Скажи игуменни, что один иннок желает беседовать с нею.

Через несколько времени он услышал другой вопрошавший его голос:

– Что нужно?

– Сотвори любовь, позволь мне и брату переночевать под кровом святой обители твоей, ибо ночь застигает нас в пути, и дикие звери могут растерзать нас.

– Никогда ни один муж не переступал порога нашей обители, – был ответ игуменни.

Тогда ученик объявил о приходе своего великого наставника:

– Скитский ава Даниял желает посетить вас!

Услышав имя знаменитого старца, игуменни приказала настелить раскрытые заключенные врата и с поспешностью созвала всех сестер.

Смиренные инокини весь путь от ворот до того места, где стояла в ожидании старец, устлали коврами и, земно кланяясь ему, лоя и целум воскрилия его одежды, с великой радостью ввели его в свой монастырь.

Игуменья велела принести лохань с теплой водой и, положив туда благоуханных благовонных трав, устроила сестер в два ряда и сама омывала ноги великого аввы и ученика его.

Совершив этот трогательный обряд, как знак самого глубокого смирения, любви и христианского странничества, мать игуменья этой водой окропила сестер, а себе обмыла ею голову.

Инокони стояли безмолвные и, не дергая малейшим звуком нарушить благоговейную тишину, объяснялись друг с другом знаками, ходили тихо и скромно, с опущенными долгу взорами.

Наблюдая за их действиями и движениями, старец спросил и игуменью:

– Скажи мне, всегда ли таковы сестры, или, быть может, только стыдятся нас?

– Всегда таковы, – отвечала игуменья.

Осматривая внутреннее устройство монастыря, минуя ряда келей, старец заметил в отдалении, в полутемном углу, лежащую на скамье инокиню.

Странный вид ее, неестественное положение тела, с откинутой назад головой и беспомощно свешившейся рукой, внезапно привлекли внимание старца.

– Кто это лежит? – спросил он, вглядываясь в лежащую пронзительным взглядом своих вьесых, глубоких очей, которые, казалось, глядели в самую душу...

– Это одна из сестер... нетрезвая... – пояснила смущенная настоятельница. – Я не знаю, что и делать с нею, отец святой. Выгнать из монастыря – боюсь греха, не погибла бы совсем. А держать – великий соблазн для сестер.

– Принеси умытьищу и налей на нее воды, – сказал старец ученику.

Когда приказание аввы Даниила было выполнено, лежащая поднялась и встала, пошатываясь, как пьяная, не проронила ни слова.

– Вот она и всегда такова, – заметила игуменья. День потухал; надвигались сумерки. Тихо и торжественно догорала вечерняя заря, переливаясь радужными тонами на западном склоне неба. Золотистобирюзовый отблеск ее, скользая меж тихо шелестящих ветвей палм, рос-

ших за узлами оконцами, трепетал под мрачными сводами монастырских стен. Вечерние тени таинственно дожили до углов, где пред высокими иконами все ярче теплились теперь огни неугасимых лампад, мерцающим светом обливая строгие лица святых икон...

– Благослови, отец, дщерей твоих вкусить трапезу при тебе, – сказала игуменья, вводя старца в обширную келью, где была приготовлена вечеря.

Сотворив молитву, она сама и ее помощница сели со старцем, кото-

рому предложена была квашеная чечевица, сырые овощи, финики и вода; ученику его поставили хлеб, отваренные овощи и вино, разбавленное водою; инокини же вкушали разную вареную пищу, рыбу и вино.

Восстав от трапезы, старец обратился к настоятельнице с вопросом: – Скажи мне, отчего это у тебя так? Обычно гостям предлагается лучшая пища, а здесь сестры вкушали самую лучшую трапезу.

– Ты, отец, инок, – отвечала игуменья, – и тебе предложена иноческая пища, ученику твоему подана пища, подобающая ученику великого старца, а сестры мои, как новонаичальные, ели пищу, подобающую только для новонаичальных!

– Господь да воздаст вам за любовь вашу, – сказал старец, – за урок, поленный для нас.

По совершении обычного молитвенного правила все разошлись по своим кельям.

Тихая, безмятежная ночь опустилась над святой обителью; в глубокой синеве небес загорелись яркие звезды, предвещавшие очертания далеких гор озарились лунным сиянием...

Оставшись наедине с учеником, старец послал посмотреть, куда пойдет спать та нетрезвая сестра. Ученик пошел и, возвратившись, сказал:

– Она спит за дощатой перегородкой в сенцах у выхода.

– Пободурствуй чадо, эту ночь, – промолвил старец и, когда инокиня погрузилась в ночное безмолвие, они вышли из своей кельи и неслышными шагами приблизились к тому месту, где находилась «нетрезвая» сестра.

Скрытые перегородкой, под покровом ночи, они удобно могли, не будучи замеченными, наблюдать за ней.

Луч месяца робко пробиваясь сквозь узкое верхнее оконце, трепетным светом озарял высокую художественную фигуру молодой инокини, стоявшей с воздетыми к небу руками... Слезы обильно струились из очей ее по бледным алым щекам, губы беззвучно шевелились... В порыве пламенной молитвы она повернулась ниц и словно замирала вся, прижимая челом к холодным плитам каменного пола... Но лишь только малейший шорох, шум шагов или скрип отворяющейся двери достигал до уха ее, как она ложилась на рогожку и начинала вести себя, как пьяная.

– Позови острожно игуменью и помощницу ее, – тихо приказал старец ученику.

Когда те чуть слышно приблизились, он безмолвно указал им на тайный ночной полати «нетрезвой» сестры... Потрясенная до глубины души, игуменья шептала:

– Боже мой, Боже мой! Сколько огорчений, несправедливых огорчений доставляла я ей!

Когда ударили в било и все собралось к полунощнице, настоятельница повела сестрам о подвиге мучимой пьяницей – подвиге, не утешаемом от прозорливого взора великого аввы, но, увы, доселе скрытом от их недостоющих очей...

Смиренная подвижница, увидев, что тайна ее обнаружена, проникла незаметно в преддверие кельи, где

спал старец, взяла его посох, завернула в его плащ, до наступления рассвета тайком вышла из монастыря, открыла ворота и, написав на них: «Простите меня, сестры, в чем

согрешила я пред вами, и молитесь обо мне», — безследно скрылась...

После долгих безуспешных поисков внезапно исчезнувшей сестры инокини увидели на воротах начертанные ею прощальные слова...

— Вот каких пьяниц любит Бог! — сказал, расставаясь с плачущими инокинями, великий старец Даниила.

Е. ЛЬВОВА,
«РУССКИЙ ПАЛОМНИК», № 45, 1910

Юстициальная поэзия

Пост Великий грядет — укрепление в веру.
Очи сердца и плоти потупивши долу,
Воздохнем: «Покаянья отвори ми двери...», —
И челом докоснемся церковного пола.

И сквозь трепет лампад в тихих сумерках храма
Через дымку кадильную узрим Распятые.
И заплачет свеча на белеющий мрамор:
«Умом о вих Сына, Пречистая Мати!»

И душа, осознав, сколь содеяла лютых,
Возопит в покаянье: «Помилуй мя, Боже!»
Вдруг поняв, что для Вечности эти минуты
Целой жизни, быть может, ценней и дороже.

И отринется грех, словно старое платье,
И уляжется ветр моря жизни убогой,
И туда — в небеса, ко Кресту, ко Распятью
Устремимся, взыскав Единого Бога.

А под сводами храма вдруг эхом прольется
Звук кадила — как звуки фанфар после битвы,
И в бедноию вьсь неспеша вознесется
То ли облачко ладана, то ли молитвы...

Инокня Любовь (Коновалова)

Вот крест виднеется вдали,
В просторах голубого неба...
А на березах снегيري
В кормушках ищут крохи хлеба...
Идет задумчивый старик,
Читает шепотом молитвы.
До глубины души проник
В спасительные эти ритмы.
И в очертаниях его
Я вижу веру и смиренность.
Дороже золота всего
Ему для Бога писанопенье.
Из уст его летит хвала
И благодарность за все Богу...
Сквозь боль и скорби пролегла
Его велегкая дорога.

А он спешит помочь всегда
Тем, кто ослеп ляз погибает,
Тому, кого нашла беда...
И как помочь — он твердо знает.
Ведь путь его всегда один —
Идти на свет, навстречу Богу.
И те, кто следуют за ним,
Встанут на верную дорогу.
И этот кроткий старичок
С седой бородкой, в черной рясе
Дал и моей душе толчок,
Поднял ее из мутной грязи.
И он идет из века в век
И молит Бога о прощенье...
Простой обычный человек,
Несущий в жизнь души спасенье.

Е. Х., г. Елец

ПОКАЙСЯ

«Покайся!» — так тогда гудели
Колокола, колокола:
То бас, то звончатые трели...
А золотые купола
Как зеркала огнем горели.

«Покайся!» — этот звон протяжный,
Как зов душе издадала,
Забывтый, а теперь вдрут важный,
Главу покрывший до виска,
Как шапкою великокопяней.

«Покайся, кайся!» — снова, снова
Так ясно, четко говорит
Гортань колоколов то слово
И покаяניים идет молитвы,
Еще не обрывая зова.

«Покайся, кайся, многогрешный,
Внишь в греховности своих,
Уйди от этой жизни спешной,
Среди людей тебе чужих,
Покайся в этот вечер вечерний!»

«Покайся!» — вновь ошеломленный
Топчу нодристый мокрый снег,
А стае галок раздраженных
Все не унять свой птичий брех
У черных гнезд обзаведенных.

«Покайся!» — властно прогудели
В Великий пост колокола.
Весна! Запрыгали капели.
А купола, как зеркала,
Все ярче золотом горели.

Максим Узбеков

Разговор в храме

Из письма нашей читательницы

Бабушка и внучка лет 4-5 беседуют в храме.
- Бабушка, а почему меня никто не встречает? Ты говорила, что меня будут встречать иконы?

- Конечно встречают, вот они, на стенах, ты подойди к ним ближе. Видишь, как они на тебя смотрят?

- Вижу. Только страшно.

- Да не страшно, а строго. Ты же громко говоришь. Говори тише и пойдй, поставь свечу, ты тогда будешь им заметнее.

- А зачем - заметнее?

- Ну, как же! Всяк, зашедший в храм, стоит перед Господом, вот и заметнее. А у Господа можно что-нибудь просить для мамы, папы, соседей, подружек. Ты же хочешь им что-то подарить? Вот и подари, что Бог даст.

- А мне что Бог даст?

- Все даст, просящему даст, стучащему открит. Здоровые ножки, ручки, красивые глазки, умную голову, ума побольше. А самое главное - чистую душу и большое сердце.

- Мне это просить?

- Да, да, проси, внученька, только тихо!

- Бабушка! А зачем это маме, папе и всем?

Пусть сами просят у Боженьки! Я же не знаю, что им нужно.

- Ты же видишь, что они не пришли в храм, а мы здесь. Ведь ты их любишь, а Боженька любящих видит, значит, видит и тебя. Деточек Он всегда видит. Я тоже буду просить, но и ты за меня попроси. Я ведь совсем уже старая!

Детская молитва быстрее летит к Нему, у тебя ангелочек моложе моего, вот и быстрее донесет твою просьбу. - голос у бабушки дрогнул и она приложила крашек косынки к глазам.

- Бабушка, ты не плачь, я буду и сейчас просить, и ночью буду просить. Ты только меня выведешь на улицу?

- Это зачем - на улицу?

- Как же? Ты говорила, что ночью все святые открывают

Просто случайно увиденный фрагмент чей-то жизни. Бабушка и внучка помолились, поставили свечи и ушли.

Меня поразило ответ девочки. Все так просто и сложно. Думаю, тяжело живется этой бабушке, но как хорошо той внучке, у которой такая бабушка есть.

ИРИНА,
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

Просим желающих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можно высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои данные на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При переписке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

399200, Тверская обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
высходит с 2000 г. Тираж 990 экз.

Будем помнить, какие утешения мы можем доставить усопшим: вместо слез, вместо рыданий, вместо надгробных памятникков – милостыни, молитвы, приношения; будем совершать это в утешение им, дабы и им, и нам сподобиться обетованных благ.

Святитель Иоанн Златоуст

